

Неповторимый мой цветочек

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing, golden umbrella. They are surrounded by a dense shower of golden confetti or petals that fills the air, creating a dreamy and celebratory atmosphere. The scene is set against a dark background, with the light from the umbrella and the falling confetti illuminating the couple and the ground below.

12+

Анатолий Зарецкий

Анатолий Зарецкий
Неповторимый мой цветочек

«Автор»

2021

Зарецкий А.

Неповторимый мой цветочек / А. Зарецкий — «Автор», 2021

Эта книга – повесть о первой любви, которая стала для наших героев любовью навсегда. Послевоенное детство: разрушенный Харьков, лагерь военнопленных немцев, дворовая шпана, “феня”, “волына”. И чистая дружба с девочкой с глазами “чайного цвета”, которую спасаешь от голода и защищаешь “от житейских напастей”. И конечно же, первая любовь, как яркий и неповторимый лучик света. А потом пропасть небытия, длиной в пять лет: клевета подруги и “вечный призрак погибшей любви”. Герой страдает и пишет грустные стихи. Но однажды она прочтет их, и юношеская любовь вспыхнет с новой силой. Любимая станет его невестой. Но счастья много не бывает. “Как пережить эту боль бесконечную, если случилось непоправимое, если навеки уходит любимая, так и оставшись невестой вечною”. И вот уже полвека минули с той поры, а она приходит к нему в его снах, девушка-красавица, и они говорят-говорят, как когда-то в далекой юности. “Мой самый яркий, самый чистый, неповторимый мой цветочек”.

© Зарецкий А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

От автора	5
Глава 1. Людочка	7
Глава 2. Подружки детства моего	12
Глава 3. Хористы!.. На хор!	22
Глава 4. Красняночка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Зарецкий

Неповторимый мой цветочек

От автора

Однажды какая-то неведомая сила подхватила с постели в четыре утра и толкнула к компьютеру. Не рассуждая, открыл новый документ и стал набирать все, что шло не от разума – от сердца.

Поставив последнюю точку, решил ничего не править. Пусть останется, как есть:

Так не бывает,
Вот уже полвека
Влюблен я как мальчишка
В Пустоту.
В Ничто.
Была ты девушкой когда-то,
Красавицей с глазами лани.
Однажды заглянул в них
И пропал,
Сраженный отражением
Вселенной.
И утонул в них,
Растворился.
Весь, без остатка,
До последней клетки.
И не было меня сильнее,
Готового сразиться
Со всем миром
За право обладания
Тобой.
Но ты ушла,
Став вечною Невестой
Мне, смертному,
И самому Владыке Мира.
Что от тебя осталось?
Только Имя
И память скорбная моя,
Что не дает забыть
Мгновенья счастья,
Судьбой подаренного
Много лет назад,
Когда увидел я
Твое цветенье –
Мой самый яркий,
Самый чистый,
Неповторимый мой
Цветочек.

“Время лечит”. Какая чушь! От жизни лечит только смерть – моя смерть. Но я до сих пор осознаю себя как личность и помню все, что случилось со мной на рассвете жизни.

А что потом, когда сам стану лишь чьим-то воспоминанием? Ведь уже сейчас рядом со мной не осталось никого, кто бы мог спросить: “Толик, а ты помнишь Людочку?”

Я бы вздрогнул от неожиданности и не ответил. Вот только, что же все-таки потом, когда меня не будет?

Похоже, останутся лишь эти строки, пока время не сотрет их за ненужностью.

Всё.

Глава 1. Людочка

Отчетливо помню день, когда впервые увидел незнакомую, странно одетую маленькую девочку. Почти не двигаясь, она целый час простояла у входа в общежитие, что напротив нашего дома, а потом внезапно исчезла. Куда исчезла? По улице никто не проходил – я бы заметил. А увести ее так быстро могли только в помещение – в пустое помещение! Ведь после того, как ушли строители, в здании никого не было, кроме призраков, которые – я читал – иногда живут в старых заброшенных домах.

Это общежитие восстанавливали первым из всего огромного комплекса студенческих общежитий “Гигант”. Из своего окошка я часто наблюдал, как надстраивали разрушенные бомбами верхние этажи здания, как штукатурили стены и крыли крышу, как вставляли рамы и стекла, и как, наконец, черные провалы в стенах вдруг превратились в освещенные по вечерам окна. А однажды запряженные лошадьми подводы начали подвозить уголь для котельной. Очень много угля. Он стал занимать все пространство перед зданием. Я любил, осторожно перейдя булыжную мостовую, подобраться как можно ближе к конным экипажам и смотреть на лошадок. Эти удивительные животные мне очень нравились. Осмелев, стал подкармливать их травкой, благо, она росла повсюду.

Был конец августа. Мне почти семь лет. Год назад мы переехали сюда из лагеря военнопленных, где я прожил всю свою маленькую жизнь. Еще в лагере заболел паратифом, и с полгода пролежал в изоляторах инфекционной больницы. А потому в этот наш двухэтажный домик попал совсем недавно. Мне здесь нравилось, особенно после больницы. И все же я слушал по лагерю, где остались мои взрослые немецкие друзья и единственная подружка моего возраста Любочка.

На следующий день загадочная незнакомка вновь оказалась на том же месте. Появилась она так же внезапно, как до того исчезла. Я долго смотрел в окно, а одинокая фигурка девочки, казалось, застыла неподвижно, как наш фикус в кадке – тот тоже не передвигался самостоятельно, ждал, когда его переставят на другое место. “А вдруг эта девочка – призрак?!” – внезапно осенило меня. Тут же нестерпимо захотелось это проверить, а заодно узнать, что она здесь делает, и почему стоит одна возле громадного здания, в котором никто не живет.

Я вышел из дома, перешел дорогу и подошел к девочке. Оказалось, она настоящая, хотя и непохожа на пухленькую беленькую Любочку. Было непонятно, во что эта худенькая девочка одета, потому что с головы до ног ее покрывал огромный платок. И только на тоненьких ножках в чулочках болтались разбитые вдребезги большие ботинки. В таких не ходишь.

– Тебя как зовут? – спросил незнакомку.

– Людочка, – тихим голосом ответила девочка.

– Таких имен не бывает, – твердо заявил ей, – Тебя зовут Любочка!

– Нет, я Людочка! – не менее твердо констатировала девочка.

– Ладно, спрошу у мамы, – согласился, чтобы не спорить, – А ты где живешь?

– Здесь живу, – показала она на вход в общежитие.

– Здесь никто не живет! – уверенно заявил обманщице.

– А я вот живу! – так же уверенно попыталась убедить меня девочка, – Но еще недолго. Только вчера, – уже вполне дружелюбно сказала Людочка-Любочка.

– А где ты жила раньше?

– Там, – показала она на дом, где жил авторитетный вор Ленчик (разумеется, тогда я его еще не знал).

– Пойдем, посмотрим лошадок, – предложил девочке.

– Пойдем. А они не укусят?

– Что ты! Они меня знают. Я кормлю их травкой, – рассмеялся я. И Людочка-Любочка впервые радостно улыбнулась. Мы сорвали несколько пучков травы, и пошли кормить моих любимых животных.

Девочка быстро перестала их бояться, и уже весело смеялась, когда очередной пучок травы исчезал во рту одной из лошадок, и они обе тянулась к нам за другим, смешно вытягивая губы и потряхивая головами.

Вскоре разгруженная подвода уехала. Но к соседнему дому подъехала телега, запряженная давно знакомой мне лошастью. На той телеге дядя Яша развозил по магазинам и ларькам большие куски льда. Лед таял, и за телегой всегда тянулся темный след от водяных капель. По этому следу мы с братом и отыскивали экипаж дяди Яши, чтобы покормить лошадь, пока грузчики выгружали лед. Я знал, что она любит овес и кусочки хлеба с солью, и совсем не ест травку. Мы с Людочкой-Любочкой перешли дорогу на нашу сторону. Я оставил ее у телеги, а сам побежал домой за хлебом.

Когда объяснил маме, что мне надо, она сказала, что хлеба у нас очень мало. Его может не хватить на день, а покупать хлеб очень трудно.

То было время, когда отменили хлебные карточки. Хлеб исчез, а в магазинах появились огромные очереди. Много времени моего детства, да и юности, прошло во всевозможных бесконечных очередях – то за хлебом, то за молоком, то за маслом, то за прочими продуктами и товарами первой необходимости.

– Мамочка, дай хоть немножко. Я покушаю без хлеба, – жалобно попросил маму, – Там девочка хочет посмотреть, как кушает лошадка.

– Что за девочка? – спросила мама.

– Она живет вон в том большом доме, но только вчера и сегодня. Ее зовут Любочка, как девочку в лагере. А она говорит, ее зовут Людочка. Разве так зовут?

– Конечно, сынок. Ее зовут Людмила, а еще можно Люда и Мила, а ласково – Людочка и Милочка. Ладно, сейчас немножко отрежу, – подобрела мама.

– Как? У нее сразу два имени? – изумился я. И девочка из Людочки-Любочки тут же стала у меня Людочкой-Милочкой.

Я застал девочку на том же месте. Она безуспешно пыталась дать лошади пучок травы, но та фыркала и отворачивалась.

– Тебя зовут Людочка-Милочка! – сходу выпалил свою новость, – Эта лошадка травку не кушает. Дай ей хлебушка, – подал девочке подсоленный хлеб.

– Правильно. Когда надоест, буду Милочкой. А пока я Людочка, – рассказала мне о своих именах Людочка-Милочка.

– Хорошо. Будь Людочкой, – согласился с ней, – А когда надоест, скажи.

– Скажу, – пообещала Людочка, осторожно взяла обеими руками хлеб и прижала его к груди.

Но теперь она не торопилась кормить лошадку, а потихоньку отщипнула кусочек и с удовольствием, не торопясь, стала есть.

– Людочка, ты хочешь кушать? – спросил ее. Она молча кивнула, после чего быстро, не таясь, доела остальной хлеб, предназначавшийся лошади. Я был поражен. Я никогда не испытывал голода, даже в голодные послевоенные годы. В лагере всегда была пища, но, как оказалось, совсем не так было вне лагеря.

– Людочка, а тебя что, дома не кормят? – спросил ее.

– Кормят, но в новом домике у нас ничего нет, – рассказала Людочка.

– Еще хочешь? – спросил, заранее зная ответ. Людочка кивнула.

Я снова сбегал домой, рассказал маме, что Людочка хочет кушать, а дома у них ничего нет. Тогда мама дала два кусочка хлеба, политых подсолнечным маслом и посыпанных солью – для Людочки и для меня. Конечно же, я отдал Людочке оба кусочка. Так началась наша дружба с маленькой девочкой Людочкой, которой тогда едва исполнилось пять лет.

Меня не взяли в школу. Я не понимал, почему. Мне так хотелось учиться. Теперь три мальчика, с которыми проходил медкомиссию, пойдут в первый класс, а я останусь дома. Я очень переживал неудачу.

А не приняли только потому, что еще не исполнилось семи. Так из-за каких-то трех месяцев потерял целый учебный год.

Я уже умел бегло читать. По складам вообще не читал никогда. Читать выучился сам, спрашивая у мамы буквы на вывесках. Моей первой книгой стал учебник истории средних веков. Когда проштудировал его вдоль и поперек, задавая кучу вопросов, оставшихся, как правило, без ответов, мне подарили потрепанную книжечку со сказкой о потерянном времени. Выучив ее наизусть, снова заскучал.

Тогда меня решили записать в библиотеку, что была рядом с домом. Но в библиотеку не принимали дошкольников. И мама сказала библиотекарю Нине Васильевне, что я учусь в первом классе. Мне было очень стыдно, что придется постоянно обманывать взрослых, но так хотелось читать. Чтобы обман выглядел правдоподобным, меня остригли наголо, как тогда стригли всех школьников с первых по пятые классы.

Для начала в библиотеке мне выдали две тоненькие книжечки с картинками. Но уже через полчаса я их вернул.

– Что, обе книжки не понравились? – огорченно спросила Нина Васильевна.

– Понравились, но я их уже прочитал по три раза.

– А ты разве умеешь читать? Ты же только в школу пошел. Что ж, молодец, раз сам читаешь. А пересказать сможешь? О чем там написано? – удивилась Нина Васильевна. И я почти дословно пересказал обе сказки. Она дала мне еще две книжечки, которые возвратил через три часа, готовый пересказать и эти сказки. Тогда получил одну большую книжку. Ее прочел лишь к вечеру, когда библиотека уже закрылась. С трудом дождавшись, когда школьники пойдут из школы, ринулся за новым чтивом. Чтение увлекло настолько, что стало совсем неинтересно выходить гулять во двор.

Но как только у дома напротив появлялась Людочка, тут же брал у мамы два кусочка хлеба, и бежал к подружке. Мы с ней нашли еще одно развлечение. Оказалось, кусочками угля можно рисовать. И я стал учить Людочку читать и писать. Она все быстро схватывала. Но скоро нас отогнали от угля, потому что мы писали буквы и рисовали везде – на тротуарах и на стенах. И нас часто ругал за это дворник, подметающий тротуары и поливающий цветочные клумбы – их недавно сделали у входа в Людочкин дом.

А однажды я покатал Людочку на машине. Вышло это случайно. С некоторых пор у ребят наших домов появился общий знакомый – молодой шофер, которого все звали дядей Васей. Ежедневно он по несколько раз проезжал мимо нашего дома – то на грузовом “Студебеккере”, то на легковом “Виллисе”. Мы дружно бросались наперерез и кричали: ”Дядя Вася! Покатай!” Он всегда останавливал машину, сажал всех желающих, довозил до угла нашего дома, сворачивал в наш переулок, и, проехав метров пятьдесят, въезжал во двор “Сахаротреста”, где был небольшой гараж на несколько машин. Тогда для нас каждая поездка была событием. А в гараже мы часами сидели в кабинах свободных от рейсов машин, и нажимали все кнопки и педали, крутили руль и дергали рычаг переключения передач – словом, представляли себя шоферами.

И вот, когда дядя Вася, заметив меня с подружкой, остановил свой “Виллис” и радушно открыл дверцу, я спросил у Людочки, хочет ли она покататься. Конечно же, она хотела. Мы приехали в гараж, и я показал Людочке все машины. Сначала девочка была счастлива оттого, что просто сидела в кабине и по очереди смотрела во все окошки. Ни руль, ни педали ее не заинтересовали. А вот клаксон очень понравился. Осмелев, она попробовала нажать на кнопку. И когда машина в ответ громко просигналила, Людочка рассмеялась. А потом стала сигналить и смеяться. Еще и еще. К моему удивлению, шоферы только улыбались, поглядывая в нашу сторону, а не отругали ее, как, бывало, нас, мальчишек.

Мы пробыли в гараже не больше получаса. Но когда уже переходили дорогу, увидел, что нам навстречу бежит испуганная женщина. Она подхватила Людочку на руки и набросилась на меня с криком: “Ты куда уводил девочку, дрянной мальчишка? Она же маленькая. Я ей запретила уходить от дома”.

– Мамочка, не ругай его. Это тот самый Толик. Мы с ним катались на машине, – уговаривала маму Людочка.

– Ладно, Толик, – немного успокоившись, сказала мне мама Людочки, – Больше так не делай, а то я очень испугалась, когда вышла, а Людочки нигде нет. Не знала, что подумать. А тебе спасибо, что угощаешь Людочку. Ничего, скоро получу деньги на новой работе, тогда будет легче, – наконец, улыбнулась женщина и поставила Людочку рядом со мной.

– Толик, – обратилась она ко мне, совсем успокоившись, – А ты знаешь, где наши окна?

– Нет, – ответил ей.

– Давай, покажу. Будет лучше, если вы с Людочкой будете играть там. Я вас буду хоть иногда видеть, и мне будет спокойней. А твоя мама разрешит тебе там гулять?

– Разрешит, – бодро ответил Людочкиной маме, хотя и не был уверен, что разрешит.

Мне показали окно комнаты общежития, где Людочка жила с мамой. Позже она стала комнатой Людочки, где прошли ее детство и юность, и где она прожила до своих восемнадцати лет.

Мама разрешила. И целый год мы с Людочкой были настоящими друзьями.

Прямо под ее окнами и располагался тот приямок с загадочным окошком, так меня поразившим. Даже в лагере военнопленных я не видел решеток на окнах. И когда спросил у мамы, зачем нужны решетки, та ответила, что там, очевидно, хранится что-то ценное. “Клад”, – сразу подумал я. О кладах часто писали в приключенческих книжках, захватывающих настолько, что проглатывал их за день, если меня не отвлекали от чтения. А потом долго размышлял, как бы сам поступил на месте героя, если оказался в подобной ситуации.

То таинственное окошко гипнотизировало. За ним ничего не просматривалось. Там всегда было темно. В одном месте стекло было разбито, а часть его – кем-то вынута. Мне так хотелось заглянуть туда. Я рассказал обо всем моей маленькой подружке, и с того момента мы оба постоянно пытались рассмотреть, что же там – за стеклом.

Однажды я попытался спуститься в приямок, но он оказался для меня слишком глубоким – повиснув на руках и не ощутив ногами дна, понял, что не смогу выбраться оттуда. А потом мы с Людочкой нашли кирпичи и стали осторожно сбрасывать их в приямок. Вскоре снова решил спуститься. Людочка, лежа на земле у приямка, подсказывала, куда мне подвинуться, чтобы ноги попали на кирпичи. Спустившись, сложил из них удобную площадку. С площадки уже легко вылез из приямка.

А потом мне удалось спустить на площадку Людочку. И вскоре мы вдвоем попытались рассмотреть подвал через отверстие в стекле. Нет, это тоже оказалось невозможным. Преодолевая страх, попробовал просунуть руку в подвал, но рука ни до чего не доставала.

Потом эта игра нам надоела. Мы нашли большой фанерный щит, которым почти полностью перекрыли приямок. И он надолго превратился в нашу с Людочкой игровую комнату. На площадке из тех же кирпичей соорудил некое подобие лестницы так, что Людочка могла свободно попадать сюда без моей помощи. Людочке здесь очень нравилось.

– Давай играть в дочки-матери, – тут же предложила она.

– Ты знаешь эту игру?

– Знаю, девочки меня научили, когда еще жила не здесь. Но они большие, и я была у них дочкой. А так ты будешь папой, а я мамой, – предложила Людочка. Я уже знал эту игру и согласился.

– А кто будет нашими детками? У тебя есть куколки? – спросил ее.

– Нет. У меня никаких игрушек нет. Давай сделаем деток из кирпичей, – предложила Людочка.

– Нет. Так не годится. Жди меня здесь. Я сейчас, – сказал ей и побежал домой.

Я взял несколько человеческих головок из дерева, которые мне когда-то подарили немцы, еще немного какой-то детской дребедени и вернулся в нашу игрушечную комнатку. Людочка сидела в самом углу приямка и, дрожа от страха, смотрела на зарешеченное окошко.

– Людочка, ты боишься? – удивился я, сел рядом и обнял девочку, чтобы “оградить ее от житейских напастей”, как говорила мама, успокаивая нас, малышей.

– С тобой не боюсь, а одна боюсь это окошко. Вдруг оттуда кто-то вылезет? – доверчиво прижалась ко мне подружка.

– Не бойся, не вылезет. Там решетка. Это теперь наша комнатка. А вот и наши детки, – выгрузил из небольшого мешочка все, что принес с собой.

Людочка вскочила и запрыгала от радости. Из того, что принес, она быстро соорудила несколько куколок, и мы стали играть с ней в эту совсем неинтересную для мальчиков игру. Но я все равно играл, потому что с Людочкой мог играть во что угодно, и мне не было скучно.

С той самой игры мы с Людочкой “понарошку” стали папой и мамой. И чем дольше я видел ее в роли мамы наших игрушечных деток, тем больше мне хотелось играть с ней в эту игру.

У меня никогда не было никакого интереса, когда играл в такую же игру с Любочкой – моей первой подружкой. Не было ничего подобного и позже, когда в эти игры влились другие девочки: если “папой” выбирали меня, “мамой” становилась только Людочка. Иначе мы не играли.

Похоже, именно в тех играх мы интуитивно сделали свой выбор, даже не подозревая об этом. Ведь мне тогда было только семь лет, а Людочке, как она говорила, всего пять с половиной.

А когда пришла наша первая весна, как-то раз, провожая Людочку, мы подошли к ее окнам и остановились у приямка. Не сговариваясь, посмотрели вниз, потом друг на друга и улыбнулись.

Наше окошко было прежним. Только оно было полностью застекленным. А приямок был не кирпичным, а тщательно оштукатуренным в цвет общежития. И показался он нам таким маленьким.

– Помнишь, как мы играли здесь в дочки-матери? – все еще улыбаясь, спросила Людочка.

– Я все помню, Людочка, – ответил ей, и волна нежных чувств накрыла меня с головой.

Мне так захотелось обнять мою любимую Людочку, как тогда, когда она испугалась этого таинственного зарешеченного окошка.

Глава 2. Подружки детства моего

Как-то раз вышел на лестничную площадку и от удивления застыл на месте – на широком низеньком подоконнике сидела девочка. Прямо перед ней в ворохе тряпья с важным видом восседала большая кукла, а девочка кормила ее воображаемой едой из маленького блюдечка.

Но детали этой картины осознал потом, а пока поразила ее неординарность – откуда в нашем лагере дети? Ведь все шесть лет моей маленькой жизни был единственным ребенком в зоне, где содержали немецких военнопленных (не считать же, в самом деле, младшего брата, который и говорить-то еще не умел). Здесь, в этом замкнутом мирке за колючей проволокой, я родился и жил, не видя никого, кроме взрослых. А тут сразу два ребенка, да еще моего возраста (поначалу и кукла показалась живой – она была с нас ростом, и, я слышал, как девочка ей что-то говорила).

– Ты откуда взялась?! – громко спросил кормящую девочку.

– Что ты так кричишь? Разбудишь маленькую, – сделала замечание “мама”, хотя как может спать ребенок, которого кормят, – Я здесь живу. Вон там, – показала она на дверь, которая до сих пор всегда была заперта на ключ. Теперь же она приоткрыта, и оттуда доносились голоса.

– Это кто здесь воюет? – вышла из двери женщина, – Ах, наш сосед. Тебя как зовут, мальчик? – спросила она, поглаживая меня по головке.

– Толик! – сердито ответил ей, – Я не воюю. Я только спросил.

– Девочку зовут Любочка, а ее куклу – Дуся, – представила мне обеих настоящая мама.

– Так она не настоящая? – показал я на куклу. Женщина рассмеялась:

– Конечно, не настоящая. Это кукла, – пояснила она, – С ней можно играть. Любочка тебя научит. Играйте, а я пойду. Только не ссорьтесь. Лучше дружите. Любочка будет тебе подружкой, а ты ей другом.

– Хорошо, – пообещал ей, пытаюсь понять смысл впервые услышанных слов “подружка”, “друг”.

– Давай играть, – предложила девочка, когда ее мама скрылась за дверью, – Ты будешь папой, а я мамой. А Дуся будет нашей дочкой. Хочешь ее покормить? – протянула она игрушечную ложечку.

– Не хочу, – ответил ей, – Эта игра мне не нравится.

– Почему? – удивилась Любочка, – Очень даже хорошая игра. Дочки-матери. Я всегда в нее играю. А ты, какие игры знаешь?

Я никаких игр не знал, а потому лишь неопределенно пожал плечами. В это время увидел, что снизу по лестнице к нам поднимается мой приятель – переводчик гер Бехтлов.

– Гутен таг, хер Бехтлов! – радостно поприветствовал его.

– Гутен таг, Толик, – ответил тот, – А это что за девочка? – улыбнувшись, спросил он по-русски, кивнув в сторону новоявленной подружки.

– Это Любочка. Унд ди цвайтэ Дуся. Сиг ист ниht эht, – представил ему обеих, отметив, что Дуся не настоящая. Немец рассмеялся:

– Ихь фэрштиэ. Мёхтэн зи мит мир гин? – спросил он.

– Натюрлихь, – обрадованно протянул ему руку и вдруг увидел несчастные глаза подружки. Похоже, из всего разговора та поняла, что мы куда-то уходим, а она снова остается одна со своей куклой, – Любочка унд Дуся мит унс гин, кён тэ? – попросил я гера Бехтлова.

– Найн. Мэдхэн хабэн ниhtс цу тун ди цунэ, – обрушил он мои надежды. Я искренне не понимал, почему девочкам нельзя с нами в зону, где живут мои друзья немцы, но твердо знал – если гер Бехтлов сказал “найн”, то действительно нельзя. Это не обсуждается.

В зоне я прожил почти все эти годы. Лишь недавно мы переселились в наш маленький двухэтажный домик. Он тоже был за колючей проволокой, но уже не считался зоной с особым режимом. Правда, все это узнал гораздо позже, когда не стало на нашей улице никаких зон. А пока меня волновало лишь одно – как же я смогу познакомить мою первую подружку с давними друзьями, без ежедневного общения с которыми уже не представлял своего существования. Только в зоне всегда по-настоящему весело, особенно по вечерам, когда солдаты играют на губных гармошках, поют песни, много шутят и громко смеются. Смеялся вместе с ними и я, часто не до конца понимая смысла грубоватых солдатских шуток и смешных тирольских песен с переливами.

Даже после переселения, в зоне я проводил все свободное время. А оно, в мои шесть лет, было свободным почти полностью. Не считать же таковым сон, а также время на завтраки и ужины (обедал я в основном с друзьями в их солдатской столовой).

– Дядя Вова, а почему девочкам нельзя ходить в зону? – спросил давнего друга нашей семьи старшину Макарова.

– Каким это девочкам? Где ты в нашем мужском заповеднике увидел девочек? – удивился тот.

– В нашем новом домике поселились сразу две: Любочка и кукла Дуся, совсем как живая.

– Ну, если совсем как живая, тогда оно, конечно, да, – рассмеялся дядя Вова. Он был веселым и смешливым, почти как немцы, – А кто сказал, что нельзя?

– Гер Бехтлов сказал “найн”, – ответил ему.

– Ну, раз гер Бехтлов сказал “найн”, значит “найн”, – подтвердил дядя Вова то, что знал и без него.

– Но почему-у-у? – захныкал я, чего никогда не позволял себе с гером Бехтловым.

Когда поздним вечером вернулся из зоны, на лестничной площадке ждала Любочка:

– Такой ты, оказывается, друг, Толик. Ушел на весь день к своим немцам, а мы тут с Дусей скучали. Почему нас не взяли? – заныла она, как маленькая.

– А ты спроси у мамы, – передал ей совет дяди Вовы.

– И спрошу. Обязательно спрошу, – продолжила ныть девочка.

А утром Любочка с Дусей снова встретили меня на подоконнике.

– Играем в дочки-матери, – объявила подружка, продолжая кормить Дусю. Завершив кормление, приступила к подготовке постельки. После пятиминутного кукольного сна – очередное кормление “дочки”, а далее по кругу. И так весь день. Даже смотреть стало не интересно, а Любочка все играла и играла в свою любимую игру, почти не обращая на меня внимания.

– А мне что делать? – зевая, спросил “маму” уже через день.

– Ничего. “Папы” никогда ничего не делают, – со знанием жизни ответила та.

– Ничего не делать скучно. Мне такая игра не нравится.

– Тогда иди на работу. Папы всегда ходят на работу, – быстро сообразила Любочка.

Спустившись во дворик, увидел дядю Вову.

– Где же ты вчера пропадал, Толик? – спросил тот.

– Играл с Любочкой и Дусей в дочки-матери.

– Кем же ты там был? Матерью или дочкой? – рассмешил дядя Вова.

– Папой, – со смехом ответил ему.

– Папой? – дурачась, удивленно переспросил тот, – Когда это ты успел, малец? Я вот два года женат, и то не папа. Или невеста с приданым?

– С каким приданым? – не понял его вопроса.

– С Дусей, – рассмеялся дядя Вова, и мы пошли в зону.

Друзья-немцы встретили радостными возгласами и вопросом, где пропал.

– Пока вы здесь прохлаждались, ребенок в один день женился и стал папой, – периодически шутил дядя Вова, а гер Бехтлов переводил немцам его дурацкую шутку. Те смеялись, по очереди хлопали по плечу и пожимали руку. Скоро шутка надоела не только мне, и всё пошло, как обычно.

Вечером, вернувшись из зоны, первым делом столкнулся со сварливой “женой”:

– Ты где пропал?! На какой работе?! Это же понарошку! А ты ушел к своим немцам на целый день. Оставил нас с Дусей одних, – сердито выговаривала девочка.

– У немцев хоть весело. А так, ты играешь, а я не знаю, что делать, – оправдывался, как мог, перед подружкой.

– Я не виновата. Такая игра.

– Давай играть в другую, – предложил ей.

И вскоре у нас появилось множество других интересных занятий – я учил девочку всему, что знал и умел. На нашем подоконнике рядом с Дусей появились книжки, карандаши и бумага – Любочка училась читать и писать. А когда надоело, мы пытались говорить с ней на языке моих друзей. Вот только гер Бехтлов больше не заходил в наш домик, и мы с ним встречались только в зоне, где Любочку никто не знал, кроме дяди Вовы.

Стремительно надвинулась осень, в нашем дворике стало холодно и слякотно, а потом выпал снег и появились долгожданные сосульки.

Осень 1950 года навалилась детскими болезнями. Откуда она взялась, та зараза, в нашем закрытом мирке, где нас, детей, было только трое? Трудно сказать. Все началось со злополучных сосулек. Потом нагрянула ветряная оспа, или, как говорили, “ветрянка”, а дальше понеслось, поехало.

После выздоровления успел лишь сходить с мамой в детскую поликлинику. Там сделали какие-то прививки. Скорее всего, делать их после болезни нельзя, но кто это мог знать. Встать утром с постели уже не смог – у меня снова поднялась температура. Сильно болела голова. Периодически проваливался в полусон-полубред, а к вечеру стало совсем плохо.

– Почти сорок, – сказала мама, взглянув на градусник, – Врач сказал, везти в больницу, – услышал ее слова и снова уснул.

Проснувшись, не понял, где нахожусь. Было темно, и еще мне показалось, кровать подо мной движется.

– Мама! – собравшись с силами, крикнул в испуге.

Кровать остановилась. Появился свет, и понял, что нахожусь на улице, в детских санках, с головой укутанный в стеганое одеяло.

– Потерпи немного, сынок. Больница уже скоро, – сказала мама.

– Не хочу в больницу, – заплакал от безысходности положения, но санки тронулись и снова поехали.

Если бы знал, что той ночью покинул наш лагерь навсегда, так и не простившись с гером Бехтловым и сотнями друзей-немцев. Что из больницы вернусь только через полгода, переболев всеми инфекционными болезнями, от которых там лечили. Вернусь в другой домик и совсем другую жизнь, не похожую на лагерную. Что свою подружку Любочку увижу лишь через много лет, когда роскошная блондинка, будущая актриса харьковских театров Любовь Борисовская, невероятным образом разыщет меня, студента авиационного института. Мы вместе встретим новый 1963 год и даже попытаемся остаться друзьями. Увы. Очень скоро понял, что, несмотря на заверения, Любочке этого мало, а мог ли я предложить ей что-либо иное, уже давно влюбленный в свою Любочку?

А пока мне все еще было шесть, и санки везли навстречу неизвестности.

Я здоров! Какое это счастье! Мне шесть с половиной, и вся жизнь впереди. Наконец-то из инфекционной больницы, где пролежал почти полгода, меня повезли прямо на новую квартиру, которую совсем недавно получили родители.

И вот мы с мамой остановились около старенького двухэтажного домика, и пошли куда-то вверх по открытой всем ветрам лестнице. Мы поднимались все выше и выше, казалось прямо по воздуху – сквозь ажурное сооружение было видно не только все вокруг, но и все под нами. Символические ржавые перила едва держались за такие же проржавевшие до дыр, местами оторванные от основания ступени, а потому вряд ли могли служить “верой и правдой”. И не служили.

А эти железные ступени. Отполированные множеством ног, скользкие даже в сухую погоду, они лязгали и громыхали, как пустые вагоны на стыках, пытаясь непременно выскользнуть из-под ног любого, рискнувшего пройти по ним без должной подготовки.

Мне вдруг стало страшно от ощущения зыбкости бытия и реальной перспективы внезапно вывалиться в любой из проемов той жуткой лестницы прямо на землю, сплошь заваленную битым кирпичом – останками пятого этажа дома напротив, уцелевшего в войну лишь четырьмя этажами.

– Мама-мама, стой! Зачем мы туда идем? Где наша новая квартира? – вцепился рукой в мамину сумку с моими вещами.

– Она там, сынок. Не бойся. Сейчас дойдем до веранды, отдохнем, – обняла она за плечи свободной рукой.

– Какая же она новая? Наша старая и то была новей.

– Старая была не наша, а эта наша. Вот и дошли, – облегченно вздохнула мама.

А по комнате на трехколесном велосипеде с одной педалью лихо носился младший брат. Пахло неустроенным бытом огромной коммунальной квартиры.

Начинался этап приспособления к неизвестной доселе жизни вне зоны лагерей военнопленных, в которых прошло все мое детство.

– Ты снова, гад, на нашей улице?! Мы же тебя предупреждали! Мало получил, фашист?! – вдруг возникла передо мной все та же троица.

А ведь действительно предупреждали. Очень давно, еще до болезни. Тогда мы с мамой впервые пошли в гости к Карякиным – у тех появился сын моего возраста. Не было сына, и вдруг появился.

– Взяли из детдома, – говорили между собой взрослые.

– Мама, а что такое детдом? – спросил, когда гости ушли.

– Это дом, где живут дети, у которых еще нет родителей, – объяснила мама, – Родители их там находят и берут себе.

– А откуда появляются дети в детдоме? Их аист приносит, или собирают в капусте?

– В каждом доме по-разному.

– А я был в детдоме?

– Нет, сынок. Мы тебя нашли сами.

– У аиста, или в капусте?

– В капусте. А туда тебя положил аист.

– А он, где взял?

– Спроси-ка лучше у него.

– Где же я его найду? – рассмеялся я.

– Придет время, найдешь, – обнадежила мама.

Сын Карякиных не понравился, хотя был моего возраста и его тоже звали Толиком. Он смотрел на всех исподлобья, ни с кем не разговаривал и ничего не умел.

– Ничего, обвыкнется, – утешались его родители, и соглашалась с ними мама.
– Дорогу в лагерь найдешь? – спросила мама, собираясь от Карякиных зайти еще куда-то.
– Найду, – успокоил ее, – Выйти из подъезда, дойти до перекрестка, перейти дорогу и дойти до проходной, – повторил нехитрую инструкцию.

– Куда лезешь, мальчик? Не видишь, здесь грузчики работают? Трудно, что ли обойти дом? – бросился ко мне кто-то из взрослых. Пришлось обходить.

Я уже вышел на улицу, когда передо мной и возникли те ребята:

– Ты кто такой?! – подлетел ко мне крепыш, явно старше меня, – Ты, что делаешь на нашей улице?! – пугая, замахнулся он.

Еще двое, по виду моих ровесников, с угрожающим видом подскочили справа и слева. В моей жизни ничего подобного еще не было, а потому поначалу даже не почувствовал опасности. Но, на всякий случай сделал шаг назад. Ребята остановились.

– Я Толик. Я здесь живу, – совсем не испугавшись, ответил им.

– Что врешь?! Мы своих знаем. Говори, где живешь?! – снова замахнулся крепыш.

– Сказал же, на этой улице. В зоне, где немцы живут, – ответил ему.

Ребята переглянулись.

– Так ты что, с немцами живешь? – недобро ухмыльнувшись, спросил один из них.

– Ну, да. Они пленные, – начал, было, я.

– Ах, ты, гад! Фашист недобитый! – не дослушав, вдруг взвился вожак, грозно сжав кулаки.

– Дай ему в ухо, Тимоха, чтоб больше не ходил по нашей улице, – подсказал тот, что спрашивал. Второй из свиты незаметно исчез.

Тимоха размахнулся, и я понял – теперь точно ударит и метит прямо в ухо. Инстинктивно уклонился и сразу почувствовал, что падаю спиной через какой-то предмет. Больно ударившись локтем о землю, тут же вскочил на ноги. Предметом оказался исчезнувший, прилегший позади меня. Теперь он оказался между мной и нападающими и пытался вскочить. Не дав негодяю подняться, обеими руками толкнул "предмет" прямо под ноги Тимохе и его дружку.

И все же убежать не удалось. Меня настигли прямо у проходной, где пришлось остановиться у закрытой "вертушки". От расправы спас выскочивший охранник, но несколько фингалов все же заработал.

– Эх, Толик. Это я виноват, – запричитал гер Бехтлов, к которому попал раньше, чем домой, – Мне надо было научить тебя бить своих врагов.

– А кто такой фашист? – первым делом спросил своего наставника, ведь до сих пор в лагере военнопленных никто никогда не произносил этого слова. Во всяком случае, впервые я его услышал от своих врагов, да еще по отношению к себе.

– Почему ты спросил об этом? – удивился гер Бехтлов.

– Меня так называли те мальчишки и даже побили за это, – объяснил ему.

– Те мальчишки дураки. Ты не фашист, Толик. Даже я не фашист, хотя и воевал, – негодовал гер Бехтлов, – Дэм криг даз энде. Дэм фашизмус даз энде, – сердито завершил он.

С того самого дня и до болезни мой наставник ежедневно по два-три часа учил меня рукопашному бою.

И вот они передо мной – трое моих обидчиков. Но, как и при первой встрече, страха нет. Зато есть твердое желание постоять за себя, а главное – уверенность в своих силах и в своей правоте.

– Я не фашист! Мой отец воевал за наших! Эта улица моя! Я здесь живу, – показал им на лестницу.

– Дай ему в ухо, Тимоха, чтобы не врал, – подсказал все тот же из сопровождения. Второй снова исчез. Но я уже знал, где его искать.

Тимоха размахнулся, но ударить не успел – мои тренированные кулаки ухитрились дважды пройти по его физиономии. Главный противник отлетел и остался на месте, прикрыв лицо обеими руками. Развернувшись, со всего маха пнул ногой подлый “предмет”. Тот вскрикнул. Перепрыгнув через него, бросился за трусливо убегающим третьим обидчиком. Догнать не удалось – подстрекатель успел вбежать в дверь нашего домика и захлопнуть ее перед самым носом.

– Ты зачем бегаешь за Фрицем? – спросила девочка, стоявшая у двери.

– За каким Фрицем? – удивленно переспросил ее.

– За Толиком Фрицем. Его все так зовут, – пояснила незнакомка.

– Он здесь живет? – спросил девочку.

– Здесь. И я здесь живу. Я Лариса, – представилась она.

– А я Толик. Живу там, где лестница, – представился ей, – А те мальчишки, где живут?

– Они не из нашего двора. Тимоха там, а Вовка Пират там, – показала девочка на соседние дома, – А ты зачем бежал за Фрицем?

– Они фашистом обзывали и бить меня хотели, – объяснил девочке, которую звали Ларисой.

– А ты их побил? – спросила она. Я кивнул.

– А в нашем дворе еще дети есть? – поинтересовался так, на всякий случай.

– Не-е-т. В большом дворе много, а к нам только приходят, – рассказала Лариса.

После инцидента троица больше не подходила, а Фриц, когда был один, завидев меня, убежал.

– Не слушай его больше, – попросил как-то раз Ларису, – Будет драться, скажи мне. Я с ним еще за фингалы не рассчитался.

– Давай дружить, – вдруг предложила девочка.

– Давай, – без особого энтузиазма принял ее предложение.

Как же скучно дружить с девочками! Снова неинтересная игра в дочки-матери, бесконечные кормления и укладывания спать кукол – этих игрушечных детей будущих мам. Но в игре “мама” хоть занята делом, “дочке” все равно, а вот что делать “папе”, никто не знает.

А потом появилась Людочка. Это было, как удар током. Маленькая девочка, которой едва исполнилось “пять с половиной” навсегда завладела моим сердцем. Единственная игра, в которую мы с ней играли, все та же – дочки-матери. Но, только с Людочкой я играл в нее с интересом, и мне никогда не было скучно.

“Наша дружба была такой чистой”, – написал я в одном из своих стихов, посвященных Людочке, и то было чистой правдой. В свои девятнадцать Людочка это подтвердила. Моя первая любовь. Моя невеста.

– Я видела тебя с Людочкой, – сказала как-то Лариса, – Мы больше не будем дружить? – печальным голоском спросила она.

– Так, как дружили, нет. Но, если тебя кто обидит, только скажи, я всегда приду на помощь, – ответил ей.

– Спасибо, Толик, – с какой-то тихой грустью поблагодарила Лариса и обиженно ушла в дверь, у которой мы познакомились всего полгода назад.

Встречаясь на улице изо дня в день, из года в год, мы всегда тепло приветствовали друг друга, с интересом расспрашивали об учебе, о делах, включая дела сердечные. Но, никогда

больше не играли в общие игры – ни в детстве, ни в юности. Ни разу. Так никогда и не обратилась она ко мне за помощью.

Подружки-подружки. Они появились в моей жизни раньше, чем друзья. Так уж случилось.

Мальчик и девочка. В возрасте, когда любопытство одолевает страх, а запреты разжигают любопытство.

Впервые мою любимую подружку Людочку я увидел, когда той едва исполнилось пять лет. Маленькая, худенькая, в нелепой одежде с чужого плеча, – она никак не походила ни на одну из моих подружек-ровесниц.

Что же такого было в той маленькой девочке, затмившей всех моих подруг? Не знаю. Но меня потянуло к ней неудержимо.

Хотя, почему не знаю. Ее глаза. Удивительно теплого, “чайного” цвета, они покорили с первой встречи и навсегда.

И еще. Людочка показалась мне такой хрупкой, такой несчастной, что сразу захотелось ее защитить, спасти от жизненных напастей.

У нее не было кукол, у нее вообще ничего не было, даже еды. В день нашего знакомства мне пришлось спасти ее от голода.

Мне понравилось опекать эту малышку, заботиться о ней. А когда она впервые улыбнулась мне своей теплой улыбкой, так захотелось, чтобы она непременно стала сестричкой.

Единственная игра, в которую мы с ней играли вначале, все та же – дочки-матери. Но, только с Людочкой я играл в нее с интересом, и мне никогда не было скучно. Возможно потому, что “папа” впервые стал не наблюдателем, а добытчиком. Мои лагерные игрушки вскоре перекочевали к Людочке. Из них она сделала куколок – наших “деток”. Как же радовалась она каждому такому подарку! Она прыгала, хлопала в ладоши, смеялась от восторга, удивляясь всякой мелочи. А я чувствовал себя добрым волшебником, исполняющим желания.

А сколько было радости, когда мы сделали нашу комнатку, перекрыв фанерным щитом приямок под окнами ее комнаты на первом этаже общежития. Каким же взрослым почувствовал себя, когда девочка испугалась зарешеченного подвального окошка и дрожала от страха, а я обнял ее и успокоил. Как доверчиво она прижалась ко мне, большому мальчику, который ничего не боится.

Но, самой интересной нашей игрой стала игра в школу. Школой я бредил, особенно, когда не взяли в первый класс, а мне так хотелось учиться.

В нашей “школе” я всегда был учителем, а Людочка ученицей. Она была прилежной ученицей, и быстро выучилась читать и писать. Ну, а уж когда я учился в первом классе, наши занятия и вовсе стали интересными. Людочке они нравились.

И вот позади первый класс. Меня с братом на все лето отправили в село. Как же я переживал предстоящую разлуку с любимой подружкой. Видел, что и Людочка грустит. Все дни перед нашим отъездом она не отходила от меня ни на шаг. Иногда девочка обнимала меня крепко-крепко, словно хотела удержать, и молчала, поглядывая на меня таким грустным взглядом своих оленьих глаз, что хотелось плакать.

То лето показалось самым длинным в моей жизни. Я считал не только дни, но и часы до его окончания, расчертив для этого целую тетрадку.

И вот оно позади. Как же радостно встретила меня подружка. Мы обнялись, я приподнял ее и закружил.

– Еще, еще, еще! – восторженно кричала девочка. Ей так понравилось кружиться в моих объятиях. Моя малышка.

И снова лето, и снова впереди очередная разлука на целых три месяца.

– А я тоже уезжаю на все лето в Коробочкино, – вдруг объявила подружка.

– Где это? – спросил ее.

– Не знаю, – ответила Людочка. Нет, в этот раз она совсем не грустила, как в канун моих прошлых каникул. И у меня чуть отлегло. Что ж, все проходит. Пройдет и это лето.

А пока потянулись бесконечные дни летнего отдыха.

И вот очередное трудное лето позади. Все так же радостно встретила меня подружка, которая, как оказалось, так и не попала ни в какое Коробочкино. Мы обнялись, как год назад, я приподнял ее и закружил.

– Не делай так больше, Толик, – очень серьезно сказала девочка, внезапно покраснев, – Я уже взрослая, – уточнила она, оправляя платице. Моя взрослая малышка.

С того самого дня к Людочке я относился с особой симпатией, как ни к какой другой девочке. В одном из первых стихов о Людочке есть такие строки:

Еще не знаешь ты, что я тебя люблю,
Что жизнь свою тебе навеки отдаю.

– А я это знала, Толик. Лет с семи знала, – сказала мне девятнадцатилетняя Людочка, когда впервые прочла все мои стихи, включая этот.

– Людочка. Ты же тогда совсем маленькой была, – удивился неожиданному признанию любимой.

– Девочки раньше мальчиков такое понимают. А ты всегда ко мне относился не как к другим девочкам. Я это чувствовала, и мне это нравилось, – и Людочка замолчала, вспоминая, судя по ее легкой улыбке, что-то светлое в наших отношениях.

А я смотрел на нее с нежностью и немного с грустью оттого, что нельзя вернуть то замечательное время, когда маленькая девочка Людочка была мне совсем, как сестричка.

Переходный возраст. Он начался у меня довольно рано, хотя трудно сказать, когда именно. Это как снег в горах – копится-копится, а потом хлопок в ладоши, и нате вам неудержимую лавину, сметающую все на своем пути.

А пока он копился и копился тот мой снег. Мне кажется, первым снежком, оставившим след в душе, стал обман с поездкой в пионерлагерь “Артек”, когда вместо меня, круглого отличника учебы и обладателя прочих достижений, тайно поехал заурядный троечник – мой друг Женька. Папа-генерал и мама-председатель родительского комитета, – всего лишь эти его “достижения” легко перевесили все мои.

Следующий снежок залег в период возрастной мутации голоса, усугубленной жестокой простудой и вопиющей нечуткостью педагогов. В результате бывший солист школьного хора, победителя республиканских и прочих олимпиад, на всю жизнь остался с низким хриплым голосом детской силы.

И наконец, целый снежный ком упал в копилку, когда вдруг увлекся гимнастикой. Вот только как случилось, что по рекомендации школьного приятеля, тренирующегося в секции несколько лет, попал не в группу начинающих, а прямо к спортсменам-разрядникам. И в погоне за достижениями новых товарищей, исчерпав резервы школьной физкультурной подготовки, банально разбился на снарядах, получив несколько серьезных травм и титул неспособного ученика.

Выручили занятия в кружке авиамodelистов при Дворце Пионеров. Вот где действительно добился неплохих результатов. Путь от кордовой “схемки” до рекордных таймерных

моделей прошел всего за год. Но, нелепый случай в школе – перелом крышкой парты двух пальцев правой руки – и чемпионом Украины с моими моделями стал не я, а товарищ по кружку, которому их передал наш руководитель.

Словом, очень скоро почувствовал, что мне больше нечем удивлять мою подружку Людочку.

Как же она смотрела на меня своими огромными глазами, полными слез, когда целый час пел только ей все мои песни из репертуара хора!

Как удивилась и захлопала в ладоши от восторга, когда прокатился колесом, а потом почти с места крутанул сальто!

– Какие красивые! Ты сам их сделал? – нежно гладила она разноцветный шелк обшивки моих уникальных авиамоделей, когда нес их из дома в кружок.

– Конечно, Людочка. Не только сделал, но и придумал раскраску. Жалко только, что вся бальза теперь под обшивкой, а это самое легкое дерево в мире. Такое красивое. Даже оклеивать “японкой” не хотелось. А сделал, вроде ничего. Нравится?

– Что ты, Толик. Нет слов. И ты будешь выступать на чемпионате Украины?

– Буду, Людочка.

– Ты непременно победишь. Вот увидишь, Толик.

– Я буду стараться, Людочка.

И действительно, победили мои модели. Только вот чемпионом республики стал случайный кружковец, всего лишь запустивший отлаженный моторчик и отпустивший подготовленный аппарат в свободный полет. Как это объяснить подружке, смотревшей на меня с надеждой?

Мне уже тринадцать, а я так ничего и не сделал, ничего не добился. А тут еще два младших брата, за которых постоянно перепадало. Особенно за среднего. Тот к своим одиннадцати годам уже обрел четырехлетний криминальный стаж, и лишь стечение обстоятельств и положение отца в правоохранительных органах пока спасало его от детской колонии. Вот младший только радовал. К тому же он косвенно сблизил нас с Людочкой на целых три года, пока мы “воспитывали” наших малышей – ее сестричку и моего братика. Мы ежедневно гуляли с ними, развлекали и при этом говорили, говорили, говорили.

Я много читал, а потому тем для разговоров было предостаточно. Но малыши выросли, и наши встречи постепенно прекратились.

Мы оба вступили в возраст, когда девочки и мальчики невольно отдаляются друг от друга. Как бы ни дружили, но все же это такие разные планеты, с разными взглядами и разными орбитами жизненных устремлений. Эти орбиты разводят нас все дальше и дальше, с тем, чтобы сблизить на самое короткое расстояние уже в неповторимую пору юности.

Но, как же долго еще ждать, пока моя миленькая подружка станет моей любимой Людочкой. И станет ли вообще, если не будет во мне какой-то изюминки, если растеряю даже то, чем всегда увлекал мою малышку.

При отъезде мы даже не простились. Мы учились в разных школах, и встречались лишь редкими вечерами, когда Людочка приходила в наш двор к своей подружке и однокласснице Ирочке. Увы, в канун моего отъезда она так и не появилась.

И вот я снова вселе, где давно стал своим. Никто уже не называл нас с братом “городскими”.

В деревне нас загрузили хозяйственными делами – мы поливали грядки водой, предвзительно натасканной из речки в необъятные бочки, собирали созревшую вишню, часами раскачиваясь на деревьях, или “обрядившись в чистое”, ходили в магазин за хлебом. Да мало ли

работы в крестьянском хозяйстве! Так что на речке, где обычно купались и дети, и взрослые, появлялся лишь к вечеру, переделав все дела.

Иногда замечал на себе заинтересованные взгляды деревенских ровесниц и даже девочек моложе, но что мне до них. У каждой уже был друг, который смотрел на нее как на собственность. И даже за невольный ответный взгляд, можно было легко схлопотать от крепенького пятнадцатилетнего паренька, возвращенного на свежем воздухе и натуральных продуктах. Я не боялся драк и мог за себя постоять. Вот только было бы за что сражаться.

Зато маленькие “ничейные” девочки были от меня без ума. Стоило появиться с младшим братом на речке, как сбегалась вся детская “колдыбаня”. Две-три девочки непременно повисали на мне, требуя их “покрутить”.

– Это мой брат! Отойдите от него! – возмутился пятилетний братишка.

– Да не съедят они меня, – успокаивал его, – Сейчас пойдем делать крепость.

И мы делали крепость из песка, а потом бомбили ее песчаными “снарядами”, пока не разваливали до основания.

А потом я учил всех разом “плавать” руками по дну, а тех, кто постарше даже нырять. И они плавали и ныряли, пока не становились синими и в пупырышках, как дешевые утки.

Вытащить малышей из воды можно было только хорошей сказкой. А для начала, чтобы согрелась, показывал гимнастические упражнения. И очень скоро вся моя детвора легко ходила колесом и кувыркалась в луговой траве и песчаных дюнах нашего деревенского пляжа.

Это ли ни популярность. Появились и любимчики – несколько способных ребят, которые все хватали на лету.

– Я тебя очень люблю, Толик. А ты? – обняла меня однажды одна из таких девочек.

Этого мне только не хватало. Мгновенно вспомнил свою подружку Людочку, которая даже не попрощалась. Неодолимо захотелось в Харьков. И зачем только затеял эту физкультуру? Начал ради младшего брата. А где он теперь? Носится где-то с такими же малышами. А я, старший брат, должен играть в любовь с доверчивой малышкой.

Но, лето неумолимо подвинулось к концу.

– Ты меня любишь, Толик? – с грустью спросила девочка в день расставания.

– Конечно, люблю, Ниночка. Ты моя лучшая ученица, – ответил ей.

– Обманщик ты, Толик. Уедешь в город и сразу забудешь.

– Никогда не забуду, – ответил тогда ей и не обманул, судя по этим строкам.

А как же переходный возраст? Он все еще будет напоминать о себе сумятицей в голове и чередой нелепых метаний. И пройдут годы, прежде чем в моей жизни наступит главный праздник юности – ВЕСНА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. Но, он наступит. Непременно наступит. Ты жди его, Людочка. Жди.

Глава 3. Хористы!.. На хор!

Ну, все. До конца урока пятнадцать минут. Пора складывать портфель. Вот-вот за нами придут. Точно. По ним хоть часы сверяй.

– Хористы!.. На хор! – объявила стремительно влетевшая в класс завуч младших классов, – Быстренько-быстренько, ребята, с вещами к доске. Не прячьтесь, не прячьтесь. И под партами найду! Все равно всех доставлю.

Выхожу одним из первых. Завуч смотрит на меня, потом в свои листочки – списки хористов школьного хора:

– Зарецкий, а тебе не надо, – вдруг удивляет она.

Солисту хора и не надо? Странно. Перепутала, похоже. Пять лет было надо, а теперь не надо? Конечно, сам виноват, заболел не вовремя, но ведь уже почти выздоровел.

– Почему это мне не надо? – упавшим голосом спрашиваю завуча.

– Не знаю. Софья Ефремовна так распорядилась.

– Пойду, спрошу, – остаюсь у доски с хористами нашего класса.

– После уроков спросишь. А сейчас садись на место. Все-все, ребята, пошли, – сгребает она в охапку горстку одноклассников и выталкивает за дверь, где уже ждет конвой из пионервожатых и родителей.

Все, как обычно, как все пять лет моих занятий в школьном хоре. Сейчас кто-нибудь из ребят рванет к лестнице, а там наверняка в засаде парочка вожатых. Беглеца отловят, вернут в строй, пожурят, но “добычу” из рук не выпустят.

Нет. Бежать надо не так. Нельзя делать резких движений. Шаг в сторону, и ты за узенькой колонной. Этого не ждет никто. Стой тихо, пройдут мимо, даже не заметят. А потом спокойно иди, куда хочешь. Проверено.

Два урока просидеть на хоре после обычных школьных занятий это надо быть или дураком, или фанатиком. Я ни то, ни другое. Но, сбежав тогда, все же пошел на хор. Один. Без конвоя.

Как же я попался в эти сети? А сейчас вот даже переживаю, что не взяли на хор.

А все началось во вторую неделю нашей учебы в школе. Нас, первоклассников, построили парами и куда-то повели. Оказалось, в школьный зал.

Всех рассадили в конце зала и по одному стали отправлять куда-то в первые ряды. Вызвали меня, я подошел к завучу, а вскоре, по ее команде, впервые поднялся на сцену и оказался у рояля, где сидели две незнакомые женщины.

– Что будем петь? – спросила сидевшая за роялем.

– Ничего, – не задумываясь, ответил ей, ведь до сих пор был лишь слушателем.

– Почему? – удивилась та, – Разве ты не пел в детском саду?

– Я не был в детском саду, – честно признался ей.

– А песни хоть знаешь? – спросила пианистка. Песни я знал и даже любил, но вот петь самому мне и в голову не приходило. Я неопределенно пожал плечами, – Вот что значит, уличное воспитание, – сердито заметила пианистка другой женщине, похожей на учительницу.

– Стишок запомнить сможешь? – спросила та, что учительница. Я кивнул, – Слушай внимательно. Мой Лизочек так уж мал, так уж мал, что из крыльев комаришки сделал две себе манишки, и в крахмал, и в крахмал! Повтори, – попросила она.

Я рассмеялся от души – более глупых стихов еще не слышал. А на меня сердито смотрели уже обе. Пришлось повторить.

– Молодец, – похвалила учительница, – Память хорошая. Теперь слушай, – и она вдруг запела приторно-сладким голоском, – Мой Лизочек так уж ма-а-ал, так уж ма-а-ал. Теперь повтори.

Еле сдерживая смех, вдохнул побольше воздуха и то ли пропел, то ли прокричал:

– Мой Лизочек так уж ма-а-ал, так уж ма-а-ал!

– Молодец. Слух есть. И голосок хороший. Но зачем так громко? Не надо громко. Все, иди, – отпустила она.

Не сдерживая смеха, ринулся в зал, но меня перехватила завуч и усадила в первый ряд:

– Прекрати смеяться. Сиди тихо. Никуда не уходи, – сердито прошипела она.

Сидеть одному было скучно, а не смеяться было невозможно – со сцены то и дело доносилось: “Мой Лизочек так уж ма-а-ал, так уж ма-а-ал”, – то в исполнении учительницы, то эту чепуху пел очередной одноклассник

И кто такой этот Лизочек? Имя девчачье, а говорят как о мальчишке. Крылья у комара оторвал, живодер несчастный. Да еще сварил из них манишки в крахмале. Что за манишки? Не хотел бы я пить кисель с манишками из комариных крылышек.

Вскоре в первом ряду нас стало двое, потом трое, а когда в последних рядах уже совсем никого не осталось – аж шестеро. И вот, наконец, к нам подошла завуч, переписала фамилии и отпустила в класс.

Мы уже забыли об утреннем приключении, но на последнем четвертом уроке в класс вошли две женщины в красных галстуках, как у пионеров, завуч и преподаватель физкультуры.

– Хористы!.. На хор! – объявила завуч, – Все, кого в зале посадили в первый ряд, выйти к доске с вещами, – скомандовала она.

Наша шестерка, собрав портфели, обреченно встала у доски. Проверив по списку, нас вывели из класса и под конвоем повели в школьный зал.

– Принимайте новеньких, – сказала завуч женщине, стоявшей у дверей зала.

Та открыла ключом дверь, и нас запустили внутрь. Дверь за нами тут же захлопнулась, грозно щелкнув замком. А в зале уже сидели ребята, человек двадцать, явно старше нас.

– О-о-о! Мелюзгу привели! – обрадовался один из них, похоже, второклассник, и ринулся, было, к нам.

– Всем сидеть на местах! – скомандовал мужчина, стоявший у сцены, – Проходите в первый ряд, – пригласил он нас.

Едва расселись, в зал запустили очередную группу, потом еще и еще. Минут через десять зал уже был заполнен почти на четверть. Шум стоял, как в бане.

И тут на сцене показались пианистка и учительница. Пианистка села за рояль, а учительница подошла к краю сцены:

– Тишина в зале! – громко крикнула она. Зал мгновенно затих, – Сегодня у нас в хоре прибавление: двадцать первоклашек. Не обижать. Меня зовут Софья Ефремовна. Я руководитель школьного хора, – представилась она и ушла к пианистке.

Зал снова зашумел. Кто-то щелкнул меня по голове. Обернувшись, увидел вредного второклассника, который уже перебрался к нам и уселся прямо за мной.

– Выйдешь из школы, получишь, – заявил ему, уверенный, что один на один с ним справлюсь.

– Ах ты, малявка! – снова щелкнул он. Это уже слишком. Я поднялся и как молотком ударил его кулаком по голове. Похоже, попал нормально. Он заплакал. Все вскочили, зашумели. К нам бросился мужчина, тщетно пытаясь навести порядок.

На шум вышла Софья Ефремовна, которую все ребята тут же послушались. Нас, первоклассников, на время отделили от всех двумя пустыми рядами стульев.

– Продолжим разучивать песню “Мой Лизочек”, – сказала Софья Ефремовна, и вскоре весь зал заголосил: “Мой Лизочек так уж ма-а-ал, так уж ма-а-ал”.

Минут через двадцать я возненавидел этого таинственного Лизочка всей душой.

– Мой Лизок не так уж ма-а-ал, так уж ма-а-ал... Съел он крылья комаришки, а потом и все манишки... Весь крахмал... Весь крахмал, – пел я уже через полчаса.

– Ты что поешь? – улыбаясь, спросил Боря Фельдман, сидевший справа.

И минут через пять весь наш ряд бодро пел мой вариант куплета. Еще через минуту мы были выявлены Софьей Ефремовной. Ряд подняли и заставили спеть куплет отдельно от хора, причем именно так, как пели с хором. Реакцией был дружный смех всего хора:

– Ну, первоклашки! Во дают!

На первый раз нас простили.

Всю вторую сорокапятиминутку разучивали песню “Любитель-рыболов”:

С утра сидит на озере
Любитель-рыболов,
Сидит, мурлычет песенку,
А песенка без слов:

“Тра-ля-ля, тра-ля-ля,
Ля-ля, ля-ля”.

И эта песня меня доконала, как и предыдущая. Особенно ее бесконечные “тра-ля-ля”. Словом, хор мне не понравился. Два урока перевести на бессмысленное пение! Завтра же попрошу учительницу, чтобы меня больше не водили на хор, решил я.

А на улице поджидал второклассник и пятерка его друзей. К счастью оказалось, что, не дождавись меня из школы, за мной пришли друзья – Вовка Бегун и Валерка Гаражин. А едва началась потасовка, подбежали дежурившие у школы “блатные” из нашего двора – Толик Фриц и Вовка Пират. Вместе мы тут же разогнали всех наших врагов.

– Не могу я тебя освободить от хора, – ответила на мою просьбу наша классная учительница Ольга Дмитриевна, – Хор будет отстаивать честь школы. Не все могут петь. Ты можешь. А в хор взяли только самых способных. Вся школа на тебя надеется, Зарецкий, – озадачила она.

Значит, я способный? И нашему хору предстоит защищать честь школы? На нас надеются? Даже на меня, первоклассника? Такое объяснение вдохновило. Что ж, придется петь всю эту ерунду, раз надо, решил тогда.

Так на целых пять лет у меня появился этот хор. Занятия проходили три раза в неделю по два урока с десятиминутным перерывом, во время которого из зала никого не выпускали. Даже в туалет нас водили под конвоем пионервожатых или дежуривших в школе родителей.

Впрочем, хористы и тогда нередко разбежались, едва их выводили из класса. Расторопный конвой ловил и возвращал беглецов, но когда нас сопровождали только мамы из родительского комитета, до зала доходил только я. Добровольно.

Почему? Сам не знаю, но чувство долга, привитое в раннем детстве моим наставником гером Бехтловым – переводчиком из лагеря военнопленных немцев, где я прожил шесть лет – всегда заставляло делать то, что делать не хотелось. В тот ненавистный зал пошел бы даже без конвоя, только потому, что на меня рассчитывала вся школа, и я должен был когда-то защитить ее честь.

А вскоре в нашем репертуаре появилась песня “Орленок”, которая вызвала у меня такую бурю эмоций, что чуть не заплакал, когда ее впервые спела Софья Ефремовна:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Орленок, орленок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

В свои шесть лет я увидел смерть очень близко. Страшный взрыв швырнул тогда в окоп, оглохшего, с разбитыми до крови коленками. А с десяток ребят, которым до шестнадцати было еще далеко, и наша совсем молоденькая воспитательница были разорваны тем взрывом в клочья.

С того момента я не то, чтобы думал о смерти, скорее всегда помнил, что она есть. И слова песни – “в живых я остался один” – тоже воспринял с пониманием. Ведь мой единственный друг в том детском лагере – моя воспитательница, с которой мы много разговаривали и даже играли в моих желудевых человечков, и которая тогда спасла меня, да и не только меня, – погибла, а я снова остался один, единственным дошкольником среди недружественной толпы школьников.

И вот через год после тех событий, прослушав песню про орленка, вдруг представил себя разорванным в клочья, висевшие на тех деревьях.

Что было бы, если это случилось? Куда бы делся Я? И что такое это Я, если меня разорвать на части?

Наша бабушка Крестная не раз говорила, что Я – это моя душа. Когда тело умрет, она полетит на небо, и там будет жить вечно вместе с Ангелами и радоваться жизни в Раю.

Но как забыть все, что было со мной на Земле? Ведь я всегда буду помнить ту поляну, тот громадный дуб и застрявшую в земле бомбу под ним, у которой мы играли с моей любимой воспитательницей.

Песню “Орленок” я пел с таким энтузиазмом и с таким блеском в глазах, что это заметила Софья Ефремовна и перевела в группу солистов.

Следующей в репертуаре хора стала песня “Варяг”. Похоже, Софья Ефремовна понимала мальчишечью душу. Да разве могли нас оставить равнодушными эти слова:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг",
Пощады никто не желает!

А самым проникновенным показался предпоследний куплет песни:

Прощайте, товарищи, с Богом – ура!
Кипящее море под нами.
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрём под волнами.

Думала ли воспитательница, собираясь к нам в лагерь, что уже через пару часов её душа отправится в Рай, к Ангелам. Да и кто об этом думает.

И эту песню я пел в солирующей группе.

Солистам доставалось больше, чем остальным хористам – с нами Софья Ефремовна занималась дополнительно, причем столько, сколько считала нужным.

– От вас, ребята, зависит все, – вдохновляла она, – Хорист ошибется, в общем хоре голов это заметит не всякий. А вот кто-то из вас ошибется, это катастрофа. Вы все на виду.

Сеть затягивалась: моя ответственность повысилась, а с нею и чувство долга.

А после Новогодних праздников мы начали разучивать государственные гимны: Гимн СССР и Гимн УССР. Мелодию и слова уже знал давным-давно: с гимнов начинался и гимнами заканчивался каждый день страны.

Но мы репетировали их как любую из наших песен. Лишь репетиции проходили теперь только стоя, как положено при исполнении государственных гимнов. Но никто не роптал, отстояв целый урок, а то и два, даже мы, первоклассники. Наоборот, пели с особым энтузиазмом:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Тогда я искренне верил тем словам, и они действительно вдохновляли, и не только нас, школьников.

А в мае пятьдесят третьего года наш хор мальчиков впервые защищал честь школы на областной школьной олимпиаде. И я, первоклассник, “сражался” за эту честь вместе со всеми. У меня не было черного костюма и белой рубашки – объявленной формы одежды для такого события. И тогда мне и еще двум мальчикам из хора родительский комитет школы приобрел необходимую одежду.

– Артист, – сказала Крестная, взглянув на меня, – Настоящий артист.

Но до того главного выступления нам предстояло пройти тщательный отбор. Вначале отобрали основной состав хора и запасных хористов. Готовились все, а вот для участия в олимпиаде выбрали чуть больше половины хора. Оставшиеся за бортом хористы, конечно же, обиделись, но занятий в тот период не пропускал никто – была ясная цель и хоть и слабая, но надежда.

Потом мы как-то очень легко победили на районной олимпиаде, исполнив песню “Варяг”. И лишь как победители были допущены к участию в городской школьной олимпиаде. И здесь мы победили с большим отрывом, на этот раз с песней “Орленок”.

И вот он, финал нашего триумфа – первое место в Харьковской области. Похоже, этого не ждал никто, даже Софья Ефремовна. Когда объявили решение жюри, мы все, как один, вскочили с мест и закричали на весь зал: “Ура-а-а!!!” Лишь она осталась на месте и сидела, покачиваясь и обхватив голову обеими руками:

– Как же я вас, таких маленьких, повезу в Киев, – огорченно повторяла и повторяла она и, похоже, совсем не радовалась нашей победе.

– Почему в Киев, Софья Ефремовна? – спросил ее.

– Республиканская олимпиада в этом году будет в Киеве, – объяснила она, – Очень обидно, ребята, но в столицу нас не пустят.

Целую неделю мы были героями школы, и все те дни жили с надеждой на поездку. Но прошла неделя, потом другая, а затем поползли слухи, что в Киев поедут наши главные соперники, занявшие второе место.

– Как же так? – окружили мы Софью Ефремовну на очередном занятии хора.

– Что я могла сделать? – ответила она, – У нас в основном составе одни первоклашки и совсем немного второклассников. А у них четвертые-пятые классы. Жюри так решило, но первое место все равно за нами.

– Это нечестно! – возмутились мы, – Мы все скоро перейдем во вторые и третьи классы.

– Ладно, ребята. Нашему хору мальчиков действительно нет равных в области. Растите быстрее и ходите на репетиции. Съездим мы еще с вами в Киев, и не раз, – успокаивала она.

Если бы знали, что наш хор мальчиков доживает свои последние деньки. А пока мы купались в лучах славы. Где только ни побывали в те майские дни. Мы открывали и закрывали слеты пионеров, съезды комсомольцев и какие-то важные заседания взрослых, где в начале и в конце мероприятий исполняли оба государственных гимна, а в концертах, которые были уже после торжественной части, пели две-три песни. Как же нам аплодировали! Иногда на “бис” исполняли четвертую, а то и пятую песню. А нас готовы были слушать и слушать.

– Больше нельзя. Сорвете голос. Все-все, ребята, – отвечала Софья Ефремовна на наши просьбы повторить песню, когда зрители хлопали нам особенно дружно.

А потом настали каникулы, после которых в нашей мужской школе появились девочки. И когда собрался хор, основной части хористов не оказалось – их перевели в другие школы. А в конце зала сидела небольшая стайка девчонок.

– А вы чего приперлись? – подошел к ним все тот же злобный второклассник. Теперь, правда, он уже перешел в третий класс.

– Мы хористки, – ответила одна из девочек.

– Хористки! – рассмеялся третьеклассник, – К чужой славе хотите примазаться? – мерзким голосом спросил он.

– Нам вашей славы не надо. Наш хор девочек занял третье место на олимпиаде, – ответили ему.

– Ой-ой-ой!.. Третье место они заняли, – прогундосил третьеклассник.

– Тишина в зале! – прервала его Софья Ефремовна, – Девочки, пройдите в первые ряды, – пригласила она новеньких, и когда зал успокоился, продолжила, – Теперь у нас будет смешанный хор. Девочек не обижать. Меня зовут Софья Ефремовна. Я руководитель школьного хора, – представилась она и ушла к пианистке.

Потом девочек пригласили на сцену, и они неплохо исполнили несколько песен из своего репертуара. Особенно понравилась эта:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы – пионеры, дети рабочих!
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров – Всегда будь готов!

Некоторые девочки, как и наши третьеклассники, были в пионерских галстуках. У нас же, второклассников, галстуков еще не было, и мы никогда не сидели у пионерских костров. Вскоре мы стали разучивать песни из их репертуара:

То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой...

Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой!

Повторяли мы и наши песни, вот только песня “Варяг” навсегда исчезла из нашего репертуара. Да и как ее петь с девчонками? Им бы про березки и рябины.

А вскоре привели пополнение – первоклассников. Мальчиков среди них почти не было. Одни девочки. Когда подсчитали, оказалось, девочек теперь в хоре большинство. И мы заскучили по нашему мальчишечьему хору.

Похоже, Софья Ефремовна это заметила, и однажды объявила:

– Сегодня начнем разучивать новую песню – “Марш нахимовцев”. Кто из вас знает, кто такие нахимовцы? – спросила она.

Я радостно поднял руку. Мы с моим другом Женькой уже давно решили стать нахимовцами. Правда, Женька не пел в хоре – ему медведь на ухо наступил, как говорила его мама.

И через полчаса в зале бодро зазвучало:

Солнышко светит ясное!
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет.
В мире нет другой
Родины такой!
Путь нам озаряет, точно утренний свет,
Знамя твоих побед.

Вот это песня! Даже девочки пели с энтузиазмом. Нет, они все-таки молодцы. Пожалуй, и “Варяга” потянули бы. А как красиво звучал припев:

Простор голубой,
Земля за кормой,
Гордо реет над нами
Флаг Отчизны родной.
Вперёд мы идём
И с пути не свернем,
Потому что мы Сталина имя
В сердцах своих несём!

На следующий день рассказал Женьке о нашей новой песне.

– Спиши слова, – попросил он.

И уже на следующей переменке мы громко орали с ним ту замечательную песню, ведь петь он действительно не умел.

Вскоре нас рассадили по голосам, да еще в шахматном порядке с девчонками, чтобы мы к ним привыкали. Вот только голос хора стал не тот. Софья Ефремовна даже морщилась иногда, хотя и сама была девочкой и пела писклявым голосом. Все же про нахимовцев, по моему, должны петь только мальчики. Девочки нахимовцами не бывают.

Новым составом хора с песней “Край родной” мы все же добрались до областной олимпиады, но наш “Марш нахимовцев” в смешанном исполнении на жюри не произвел впечатления, и мы опустились на второе место. Девочки радовались – они со своего третьего поднялись до второго, а вот мы не скрывали огорчений. Зато наши основные соперники, безуспешно съездившие год назад в Киев, вообще не попали на олимпиаду.

– У них сменился почти весь состав, – пояснила Софья Ефремовна, когда спросили, что с ними случилось, – Мутация голоса, – добавила она задумчиво.

– Что-что? – удивились мы.

– По-простому, ломка голоса. В двенадцать-тринадцать лет все мальчики через это проходят. А после ломки голос то ли будет, то ли нет, но такого чистого и звонкого, как в детстве, уже не будет. Так что пойте сейчас, ребята, – закончила она.

Слово “ломка” тогда здорово напугало, и после хора забросал вопросами всех, с кем общался в те дни.

– Да ничего особенного, – сказал кто-то из старших ребят во дворе, – Сейчас у тебя голос писклявый, а потом будешь говорить басом.

– Басом? – удивился я, – И петь буду басом? – спросил его.

– Насчет петь, не знаю. Может и басом, – ответил “знаток”.

Басом в хоре никто не пел, и мне стало понятно, почему развалился тот хороший хор.

А что, если я сейчас не болею, а у меня просто “сломался” голос, как у тех ребят? Тогда Софья Ефремовна права, и мне больше не петь в нашем хоре, который действительно стал своим за пять лет. А сколько незабываемых впечатлений подарил нам обычный школьный хор. Впрочем, не совсем он был обычным тот наш хор.

Несмотря на второе место, в школе нас все равно поздравили, и мы снова были нарасхват, концерт за концертом. Больше всего запомнились юбилейные торжества в Харьковском университете – сто пятьдесят лет, как-никак.

Помню, мы быстро и почти бесшумно заняли свои места на сцене. Открылся занавес, и перед нами предстал огромный полутемный зал, заполненный до отказа. Такого мы еще не видели. Раздались аплодисменты, хотя мы еще ничего не исполнили. Оказалось, аплодировали не нам, а какому-то человеку. Он что-то сказал в микрофон, и под барабанную дробь солдаты парадным шагом внесли на сцену знамена. Их сопровождал вооруженный почетный караул. Мы так увлеклись, рассматривая оружие часовых, что чуть, было, ни прозевали команду Софьи Ефремовны.

Как обычно, исполнили оба гимна. Все время, пока пели, нас снимали большими кинокамерами. Сначала издали, а потом подошли к хору почти вплотную. Некоторых ребят снимали, чуть ни в упор. Представляю, что они чувствовали и как пели, когда их снимали.

Потом стало скучно. С трибуны подолгу говорили какие-то люди. А мы стояли и стояли, почти недвижно. Так же стояли и часовые у знамени. Одному из них тоже стало скучно, и он начал нам подмигивать и даже строить рожицы. Мы начали кривляться в ответ. Откуда-то сзади тут же послышался сердитый шепот Софьи Ефремовны:

– Прекратите немедленно. На вас смотрят сотни людей. Стойте смирно.

Ее, конечно же, послушались и на солдат перестали обращать внимание. Вскоре с интересом посмотрели смену караула у знамени. Вот только нас никто не менял. Еле дождались следующей смены караула, но смотреть уже было не интересно.

Наконец, перед хором появилась Софья Ефремовна и дала команду “приготовиться”. Мы облегченно вздохнули. Снова исполнили гимны и посмотрели вынос знамен. И вот дали занавес. Едва он закрылся, мы начали прыгать с наших подставок – ждать своей очереди уже было невозможно. Как только выдержали, простояв на них почти три часа.

– Молодцы, ребята, – похвалила руководитель хора, забыв даже о наших шалостях. Домой мы тогда вернулись очень поздно.

За год мы привыкли к девочкам, которые, как и мы, стойко переносили все, что выпадало на долю хористов. И вот мы в очередной раз начали готовиться к школьной олимпиаде. Снова

часами пели “Марш нахимовцев”, шлифуя многоголосное пение, но, как и год назад, Софья Ефремовна была недовольна:

– Ну не подходят здесь женские голоса. Песню менять поздно. Новую не успеем. Даже не знаю, что делать. Опять провалимся, – пожаловалась она пианистке.

Состав хора был сформирован лишь за три дня до районной олимпиады. В него вошли все мальчики и лишь десять девочек. Как же были огорчены наши девчонки, когда прочли список участников олимпиады! В хоре девочек уже было гораздо больше, чем мальчиков. И теперь толпа девочек ринулась на сцену, и они все там горько плакали, а Софья Ефремовна с пианисткой целых полчаса их утешали.

Всех, кроме участников олимпиады, отпустили, а мы заняли свои места на сцене и продолжили репетиции.

– Нет, это не выход. Все равно слышно, – сказала Софья Ефремовна пианистке и задумалась, – Так. Сейчас поют одни мальчики. Девочки не поют, а только слушают, – объявила она. Мы спели и по радостному выражению лица руководителя хора увидели, что это то, что надо.

Так же мы пели и на всех олимпиадах – девочки подпевали совсем неслышно, в четверть голоса, но об этом никто не знал, даже хористки, не попавшие на олимпиаду.

И мы, наконец, впервые стали победителями республиканской олимпиады, которая в том году проходила не в Киеве, а в Харькове.

Нас наградили грамотами, которые получили все участники, даже девочки, которые только для вида стояли с нами на сцене.

– А вам за что грамоты дали? – возмутился все тот же злобный, теперь уже четвероклассник.

– За красоту, – ответила одна из девочек, и все дружно рассмеялись.

Благодарность директора школы объявили всем хористам.

А вскоре на одном из занятий радостная Софья Ефремовна объявила:

– Ребята, начинаем разучивать новую песню “Летите, голуби”, – она кивнула пианистке и запела:

Летите, голуби, летите,
Для вас нигде преграды нет.
Несите, голуби, несите
Народам мира наш привет.
Пусть над землею ветер стонет,
Пусть в темных тучах небосвод.
В пути вас коршун не догонит,
С пути вас буря не собьет!

Песня сразу понравилась всем, а когда запели ее хором, стало ясно: она подходит и девочкам, и мальчикам.

Уже через неделю мы исполнили ее в варианте многоголосного пения. Меня снова вернули в солирующую группу, которая стояла перед хором и вела свою партию.

Казалось, мы пели великолепно, но Софья Ефремовна пробовала все новые и новые варианты исполнения. И было заметно, как от варианта к варианту мы звучим все лучше и лучше. И мы не роптали от тех бесконечных повторов. Песня нам по-прежнему нравилась.

А однажды нас пригласили на хор с третьего урока. Такого еще не было. Весь урок мы, как обычно, распевались, а в начале четвертого урока в зал вошел директор школы с каким-то невзрачного вида мужчиной. Софья Ефремовна тут же бросилась им навстречу, провела обоих на сцену и усадила.

Потом нас подняли, и мы стоя исполнили песню “Летите голуби” в последнем варианте. Мы очень старались, ведь пели в присутствии директора школы, который был у нас редким гостем. Он приходил, чтобы вручить грамоты или объявить благодарность.

Едва кончили петь, нам неожиданно зааплодировал неизвестный, пришедший с директором. И только тут Софья Ефремовна объявила, что это композитор Исаак Осипович Дунаевский, сочинивший песню, которая нам так понравилась, и которую мы только что исполнили. И еще она сказала, что он тоже харьковчанин, поскольку, как и мы, вырос в нашем городе.

Она еще что-то говорила, но я уже не слушал. Я впервые в жизни видел живого композитора. Нет, не такими их себе представлял, этих поэтов и композиторов. Ведь в фильмах видел их в усах и бороде, одетыми во фраки, с бабочками вместо галстуков. А перед нами был обычный человек, встретив которого на улице, никогда не догадаешься, что он композитор.

Потом он немного поговорил с Софьей Ефремовной, и мы исполнили несколько вариантов его песни.

– Нет, Софья Ефремовна, ваш первый вариант лучше всех, которые когда-либо слышал, – сказал Дунаевский. Впрочем, мы это знали и без него, – До свидания, ребята! Желаю вам победы на олимпиаде, – напутствовал нас композитор.

– Спасибо! – дружно прокричали мы и, подражая Софье Ефремовне, зааплодировали. Под наши аплодисменты они с директором вышли из зала, а нас тут же отпустили в классы.

Той весной к нам приходило много композиторов, но их песни мы не пели, а потому исполняли для них две-три песни из нашего репертуара. Им нравилось. Не пели лишь ту великолепную песню Дунаевского, поскольку приготовили ее к всесоюзной олимпиаде.

И мы с нетерпением стали ждать поездки в Москву, ведь теперь мы были большими и могли защищать честь школы, где угодно.

Но, ждали напрасно. Недели через две узнали, что от Украины в Москву поехал какой-то сборный киевский хор, который даже не участвовал в республиканской олимпиаде.

Софья Ефремовна была расстроена не меньше нашего, но вскоре ее вызвали в Киев и наградили медалью.

Начались летние каникулы, и я все лето провел в ожидании поездки в пионерлагерь “Артек”. Лишь осенью узнал, что меня обманули с “Артеком”, как и весь наш хор с поездкой в Москву. Обиженный несправедливостью, целую неделю не ходил в школу и, разумеется, на хор. А когда меня вернули на занятия, песню “Марш нахимовцев” петь не захотел.

– Зарецкий. Уснул? – сделала замечание Софья Ефремовна, когда обнаружила, что не слышит моего голоса. Но я упорно молчал, – Стоп! В чем дело, Зарецкий? – остановила она хор и обратилась ко мне.

– Я эту песню больше петь не буду, – твердо ответил ей.

– Что случилось? – спросила она, но я молчал, опасаясь расплакаться при девочках. Похоже, ребята ей все же что-то рассказали о моем горе, – Хорошо, не пой. А теперь сначала, – разрешила она и взмахнула дирижерской палочкой.

Больше “Марш нахимовцев” я не пел никогда.

С песней “Летите, голуби” мы вновь стали победителями областной олимпиады и снова, как и два года назад не поехали в Киев, Только в этот раз я уже несколько не удивился и совсем не расстроился.

– Зарецкий! О чем мечтаешь? – как сквозь ватное одеяло услышал голос нашей новой “исторички”, – Так какое событие произошло в пятьдесят шестом году?

– Первая Спартакиада народов СССР, – расслышав лишь свою фамилию и год события, и все еще находясь под впечатлением своих мыслей, не раздумывая, ответил ей. Взрыв смеха

одноклассников привел в чувство, – Князь Александр Невский договорился с ханом Батыем, – начал сходу отвечать, лихорадочно вспоминая, о чем же он там договорился, но, так и не вспомнив, замолчал.

– Похоже, поэтому ты так рвался на хор, – злорадно заметила “историчка”, – Два балла, Зарецкий, – обрадовала она.

Этого только не хватало. Получить “пару” по одному из любимых предметов. Ничего, на следующем занятии исправлю.

А в середине лета пятьдесят шестого года, правда, не тысяча двести, а тысяча девятьсот, действительно состоялась первая Спартакиада народов СССР, и в Харькове прошли ее отборочные соревнования. Тогда к нам съехались тучи спортсменов из всех республик страны. Их разместили в пустующих летом общежитиях студенческого городка “Гигант”, и целых две недели под окнами нашего дома царил бурное веселье вырвавшейся на волю молодежи.

Но еще за две недели до этого события, хористов собрали в школе. Собралось лишь около половины состава, ведь летние каникулы были в самом разгаре.

Оказалось, нас пригласили участвовать в торжественных мероприятиях Спартакиады в составе сводного хора.

Уже на следующий день мы пришли на харьковский стадион “Динамо”, где собрались все детские хоры города. И начались ежедневные репетиции.

В день открытия Спартакиады мы заняли места на трибуне стадиона и приготовились не только петь, но и своими глазами наблюдать красочное зрелище самого крупного спортивного мероприятия страны.

По команде дирижера, которые для нас дублировала Софья Ефремовна, мы всем составом сводного хора и оркестра исполнили Гимн Советского Союза.

Квинтэссенцией нашего выступления стало исполнение песни “Летите, голуби”:

– Летите, голуби, летите, для вас нигде преграды нет, – запел тысячеголосый детский хор, а в голубое харьковское небо взлетели тысячи белоснежных голубей.

Это было зрелище, от которого у многих на глазах выступили слезы. Я видел это в кадрах кинохроники. А в тот момент у меня едва не перехватило дыхание, и лишь чувство долга и длительные репетиции сделали тогда свое дело.

А в пятом классе, неожиданно для себя, я стал солистом хора. Вышло это так. Еще до новогодних каникул Софья Ефремовна показала нам очередную песню, да еще какую:

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках
Её сын пролетает.

Мелодия и слова песни прямо-таки брали за душу. Вот что значит талант. Подобное потрясение мы испытали лишь во время исполнения песни “Летите, голуби” на огромном стадионе. Только там многие вспомнили композитора, который когда-то одобрил наш вариант ее исполнения. Именно этот вариант после долгих препирательств Софьи Ефремовны с руководителями других хоров все же был разучен и исполнен сводным хором.

– Интересно, а Дунаевский посмотрит фильм про открытие Спартакиады? – спросил кто-то из ребят Софью Ефремовну на одной из репетиций.

– Дунаевский, к сожалению, больше ничего не посмотрит. Он умер год назад, – ответила она и после паузы добавила, – Но он слышал ваше исполнение, ребята, и одобрил его. А Дунаевский это классик советской музыки, и вы, ребята, видели живого классика.

Да-а-а. Именно тогда я четко понял, что человек оценивается вовсе не по внешнему виду, а по его таланту и делам.

Мы быстро разучили новую песню, и, как всегда, пошла работа по поиску наиболее эффектного исполнения. Мы пробовали вариант за вариантом, но Софья Ефремовна все еще была недовольна.

Наконец, она обратила внимание на нас – солирующую группу. В тот раз нас в ней было пятеро.

– Так, ребята. Сейчас все молчат. Поет один Зарецкий и хор, – объявила она.

Такое бывало, когда Софья Ефремовна хотела послушать любого из нас в отдельности. Но в тот раз я выложил, как никогда:

Родина слышит,
Родина знает,
Как нелегко
Её сын побеждает.

Как пел, не знаю, но когда отзвучали последние слова песни, лицо Софьи Ефремовны осветилось улыбкой, и я понял – получилось.

Потом по очереди спели остальные ребята из группы. Я был поражен, насколько красиво звучала песня в таком варианте. Ребята спели так, что сразу почувствовал, меня вернут на подставки. А Софья Ефремовна, к моему удивлению, не выбрала никого.

Поговорив с ребятами, понял, что каждый из группы счел, что исполнил песню хуже других. Ведь мы совсем забыли, что поющий слышит себя вовсе не так, как он звучит на самом деле.

Выбор был сделан в студии, где нас записывали для радио. Во время репетиции в звукоизолированной комнате Софья Ефремовна попросила операторов записать каждого солиста в отдельности. Лишь там впервые услышал свой голос и не узнал самого себя. И ни у кого не осталось сомнений, что солировать буду я.

А потом мы с Софьей Ефремовной и звукорежиссером слушали окончательную запись, и у меня от избытка чувств по щекам катились слезы, а мой высокий детский голос, чистый как слезинка, пел отдельно от меня – из огромных динамиков студии:

Родина слышит,
Родина знает,
Что её сын
На дороге встречает,
Как ты сквозь тучи
Путь пробиваешь.
Сколько бы чёрная буря
Ни злилась,
Что б ни случилось –
Будь непреклонным, товарищ,
Будь непреклонным, товарищ!

Студия тогда записала все наши лучшие песни. Когда уходили, нам назвали дату и время радиопередачи, в которой прозвучат наши голоса. Домой вернулся поздно, основательно промерзнув. Ведь днем было относительно тепло, и мы все были легко одеты.

В тот же вечер, случайно встретив свою подружку Людочку, не удержался:

– Хочешь послушать, как я пою?

– Сейчас? – рассмеялась она, решив, что начну петь тут же, на улице.

– Нет. Нас сегодня на радио записывали.

– На радио? – удивилась Людочка, – Тебя записывали на радио?

– Не только меня. Весь наш школьный хор.

– Понятно. А как же я тебя услышу в хоре?

– В одной песне я буду солистом.

– Ты солистом?! – не поверила подружка, ведь я никогда не рассказывал ей о хоре, поскольку все это было в школе. А кому интересны рассказы о школьной жизни, – Надо же. Не знала, что ты поешь.

Пришлось немного рассказать о том, что пятый год пою в школьном хоре. Что хор неоднократный победитель школьных олимпиад. Рассказал даже о встрече с композитором Дунаевским. И, конечно же, сообщил Людочке дату и время радиопередачи.

Ту передачу мы слушали дома всей семьей. Я слышал свой голос и не верил, что могу так петь. Зато дома меня узнали все и хвалили.

А вечером зашел в общежитие к Людочке:

– Ну, как, слышала? – спросил подружку.

– Толик, я не смогла. У нас во всем общежитии отключили радио. Пока прибежала к Ирке, передача кончилась. Но она слушала. Ей понравилось. Особенно твоя песня. Тебя даже объявили. Так жалко, что ничего не услышала.

Людочка была так расстроена, что, казалось, готова расплакаться. Впрочем, я почему-то тоже.

Немного поразмыслив, предложил:

– Ладно, Людочка, не переживай. Как-нибудь приглашу на наши занятия. Там и послушаешь.

– Когда это будет! Я так ждала, чтоб послушать. А Ирка в таком восторге. Неужели ты действительно так здорово поешь?

– Пошли, – решительно взял за руку подружку и повел в подвал, где размещался красный уголок.

В такое время там уже никого не должно быть. А в пустом помещении неплохая акустика. Конечно же, петь “а капелла” сложнее, чем в сопровождении хора и рояля, но чего ни сделаешь для лучшей подружки.

И вот мы вдвоем в пустом гулком помещении. Усадив Людочку в центр зала, прошел на сцену. Необыкновенное волнение вдруг охватило меня. Мне кажется, даже в студии звукозаписи волновался меньше. Собравшись, запел, глядя не на Людочку, а в пустой зал:

Летите, голуби, летите,

Для вас нигде преграды нет.

Несите, голуби, несите

Народам мира наш привет.

Пусть над землею ветер стонет,

Пусть в темных тучах небосвод.

В пути вас коршун не догонит,

С пути вас буря не собьет!

Когда окончил песню, взглянул на свою единственную слушательницу. Людочка смотрела на меня с таким изумлением и восторгом! А ее глаза! Я еще ни у кого не видел таких глаз, даже у нее самой.

– Подожди меня здесь, – смущенно сказала подружка и внезапно убежала.

Минут через десять она вернулась в легком спортивном платье и в чешках. В руке у нее была палочка с намотанной ленточкой. Закрыв входную дверь на стул, Людочка вышла на середину зала, где не было стульев:

– Теперь моя очередь. Смотри, – сказала девочка, одним движением развернула ленточку и неожиданно для меня стала танцевать.

Я и не знал, что Людочка занималась художественной гимнастикой. Похоже, она, как и я, свои занятия тоже относил к заурядной школьной жизни. Но как же ловко она орудовала своей палочкой с ленточкой. Какая она стройная и гибкая. Такую Людочку я видел впервые и смотрел на нее во все глаза.

– А ну откройте, паразиты! – раздался мощный стук в дверь.

– Кто это? – спросил Людочку.

– Уборщица, тетя Зина, – узнала она по голосу и пошла открывать.

– Вы что это тут позакрывались? – неистовствовала ворвавшаяся в зал уборщица, – Ну, Людка, не ожидала от тебя. С таких лет с парнями по подвалам шатаешься. Все твоей матери расскажу, – налетела она на Людочку.

– Тетя Зина, что вы так кричите? – вмешался я, – Мы занимаемся художественной гимнастикой, – показал на ленточку, которую сворачивала расстроенная подружка.

– Знаем мы эту гимнастику. А потом дети пойдут, – брякнула уборщица.

Мы с Людочкой прыснули со смеху и, не сговариваясь, опрометью выскочили из красного уголка, едва не сбив с ног зазевавшуюся тетю Зину.

– Жалко, Толик. Всего одну песню услышала. Ну, хоть ты посмотрел мое выступление, – с сожалением вздохнула смущенная подружка.

– Пойдем на улицу, – предложил ей. Людочка кивнула.

Она сходила домой, чтобы переодеться и надеть пальто и теплый платок, и мы вышли прямо в зимний вечер.

– Пойдем к вашим окнам, – выбрал я место для продолжения "концерта", решив, что там, в колодце высоких зданий, песни будут звучать совсем неплохо, да и никто больше не помешает.

– А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а! – опробовал акустику гигантского резонатора, усиливающего звук. Великолепно.

И я запел.

Целый урок, а может и больше, я пел Людочке песни, записанные в радиостудии и даже не записанные. Повторял и повторял те, которые ей особенно понравились. Мне кажется, в тот вечер я пел, как никогда, с особым вдохновением. Ведь меня слушала моя подружка, которая, я чувствовал, мне давно дороже всего на свете. А хорошенькая десятилетняя девочка восхищенно смотрела на меня своими огромными глазами, полными слез.

И мы оба еще не знали, что уже через четыре года к нам придет наша первая любовь – весна нашей жизни. Но это еще аж через целых четыре года. А пока в плотном морозном воздухе, разрывая тишину, высоко и ясно звенел мой хрустальный голос:

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках

Её сын пролетает.

Уже вечером следующего дня я свалился с высокой температурой и провалялся почти три недели. А когда пошел в школу и, разумеется, на хор, в первом же куплете на высокой ноте сорвал голос, и потом целый месяц только шептал. Но теперь-то я полностью выздоровел. Почему же меня не взяли на хор вместе со всеми?

Наконец, раздался долгожданный звонок с урока. Схватил портфель и помчался в школьный зал. Меня пропустили. Все уже были готовы к занятиям и ждали лишь звонка. Я метнулся на сцену:

– Здравствуйте, Софья Ефремовна! – в полный голос крикнул ей, – Я уже здоров! Прислушайте меня, пожалуйста.

– Ну, вот, слышишь, как сипит, – раздраженно сказала Софья Ефремовна пианистке и повернулась ко мне, – Тебе больше не надо ходить на хор, Зарецкий. Никогда. Очень жаль. Областная олимпиада на носу, а ты нас подвел со своей мутацией, – ровным голосом объявила она мой приговор. Слезы хлынули потоком, и я бегом бросился из зала, где мне больше не было места.

Я медленно бреду по пустому коридору школы, слезы еще катятся по щекам, а из динамиков школьного радио, казалось отовсюду, льется и льется чистый и звонкий, как весенний ручеек, голос уходящего детства, мой голос:

Родина слышит,
Родина знает,
Как нелегко
Её сын побеждает.

Глава 4. Красняночка

День обещает стать жарким, а потому прямо с утра отправляюсь на речку. К моему удивлению, на лужайке у детской “колдыбани” (так в нашем селе называют удобные для купания речные заводи) впервые за все лето не вижу Нинку – лучшую ученицу моей самодеятельной “гимнастической секции” для дошкольников.

А пока не совсем припекло, хочу немного позагорать, но не на лужайке у воды, где всегда толковище, а чуть подальше – в песчаных дюнах, широкой полосой разметавшихся вдоль левого берега нашей речушки и вплотную подступающих, одной стороной, к ее заливному лугам, окаймленным густым терновником с вкраплениями вишневых деревьев (остатками теперь уже ничейных садов), а другой, – к молодому хвойному лесу, надежно сковавшему некогда подвижные пески.

На этом гигантском пляже, достойном морских просторов, могли бы вольготно разместиться не только все жители Краснянки, но и всего нашего Кременского района, а то и всей области, если бы не покрывающая пески выжженная солнцем пустынная растительность с ее длинными жилистыми корнями и свирепыми колючками.

Конечно же, “красняне” всегда боролись не только с песком, наступавшим на их сады и огороды, но и за чистый песочек на пляже и для хозяйственных нужд. И здесь особо ценился красивый – “красный” – песок. Оно и понятно – как ни как, село издревле зовется Краснянкой, да еще и разместилось в долине одноименной реки Красная, куда и впадают обе наши мелководные речушки – Гнилая и Мечетная.

Год за годом красняне расчищали примыкающие к речкам ложбинки песчаных дюн. Небольшие площадки постепенно сливались в большие, где можно не только позагорать, распластавшись прямо на чистом горячем песочке, но и вволю порезвиться с друзьями-товарищами, строя, например, неприступные замки из песка, а затем расстреливая их песчаными “снарядами”, вплоть до полного уничтожения этого “оплота феодалов”. Иногда, навалившись всем скопом, мы перекрывали речку песчаной плотиной и с интересом наблюдали, как вздыбившаяся вода шумным потоком прорывает преграду а уже через полчаса не оставляет и следа от, казалось бы, солидного сооружения. Ну, а если кто-нибудь приносил с собой мячик, весь пляж надолго обращался в спортивную арену...

А карты... Именно здесь, на пляже, я научился играть в “дурака” и даже в “очко на шелбаны”. И конечно же, мы, “дети войны”, нередко развлекались играми в “войнушку”. Здесь, в песчаных дюнах, мы создавали целые “укрепрайоны”, отрывая окопы, траншеи, землянки и блиндажи, маскируя их сетями из многометровых корневищ и “минируя” колючками. Да мало ли игр опробовано нами, как говорится, “на своих шкурах”. Словом, детство.

Но в этот раз я направляюсь подальше от шумных компаний – к “своей”, с детства облюбованной ложбинке, где можно без помех помечтать в тишине.

Увы, мое привычное место уже занято девочками. Повернул, было, к ближайшей свободной, но заметил, что одна из загорающих призывно махнула рукой. По обнаженному торсу и детским “трико” – пляжному облачению наших “мальшей” – конечно же, опознаю “пропавшую” Нинку. А рядом загорают ее “большие” подружки в обязательных светленьких маечках и смешных трусиках-поплавках, в которых не утонешь даже на полтораметровой глубине колдыбани для больших девочек.

При моем появлении все трое тут же вскакивают и усаживаются полукругом, с любопытством уставившись на меня.

Исподволь “изучаю” подруг Нинки и не могу поверить в удачу. Одну из них – неприметную серую мышку – мельком видел у колдыбани для больших девочек, но как зовут и чья она,

разумеется, не знаю. Ничего не знаю и о другой – яркой живой кошечке, – которую не видел со дня нашей единственной встречи на железнодорожной станции. Долго, но тщетно пытался разыскать симпатичную попутчицу. Теперь вот сама нашлась.

- Пригласила, как ты просил, – улыбается Нинка.
- Познакомила бы с подругами, – намекаю “организатору” мероприятия.
- Это Оля, а это Вера, – представляет она девочек.

Значит, тебя, Принцесса, зовут Вера.

Вера-Надежда-Любовь! Вера-Верочка! Верочка нашлась!

Интересно, помнишь ты тот день в начале лета и узнала ли забавного попутчика, с которым так не хотелось расставаться?

Тогда я встречал бабушку. Та, наконец, осуществила давнюю мечту – повидаться с “родичами” из неблизкого для нее Рубежного.

По-хорошему, наша железнодорожная станция не так уж и далеко от нашего края Слободы – всего-то в трех километрах. Но уже через полкилометра утоптанной грунтовой дороги и вплоть до станции – сплошные пески Донецкого кряжа, в которых нога утопает по щиколотку даже без поклажи. Ну, а в летнюю жару, да еще с грузом, километр открытого солнышку пути по песчаным дюнам вполне сравним с преодолением безводной пустыни. Во всяком случае, мы, пацаны, именно так это себе представляли. Дальше широкая песчаная дорога, испещренная глубокими следами одолевших её пилигримов, втягивается в густой хвойный лес, растущий все в тех же пЕсках (именно так, с ударением на первом слоге, произносят это слово не только в Краснянке, но и во всем Донецком крае). Полтора километра таким лесом, и, наконец, маленькая станция Бунчужная, где останавливаются лишь рабочие поезда, да и то на минуту.

Я опаздывал к поезду, а потому решил облегчить путь, проскочив самую тяжелую его часть “низом” села. И, конечно же, напоролся.

– Ну-ка, стой, слободА! – перехватил меня незнакомый паренек лет пятнадцати, – Стукнемся? – сходу предлагает он относительно честную кулачную дуэль, от которой нельзя отказаться, не уронив мальчишеского достоинства.

Этот глупый поединок, практикуемый подростками Краснянки, никогда мне не нравился. Широкий размах из-за спины и удар “открытым” кулаком, от которого, впрочем, легко уклониться, присев или отступив на полшага. Вот только последний маневр приравнивался к поражению, а о первом знали все, и потому практически всегда били точно в ухо. Потом долго гудела голова и звенело в ушах. Приглядевшись, научился уклоняться, не приседая и не делая рокового шага. И почему-то никому даже в голову не приходило просто блокировать удар. Увернувшись от удара или блокировав его, сходу отвечал коротким прямым, освоенным еще в дворовой шайке Ленчика, и неизменно побеждал. А потому слободские ровесники, отведавшие незнакомый “городской” удар, никогда больше не предлагали “стукнуться”.

Тормознувший меня “низовский” паренек, хоть и выглядит на пару лет старше меня, по комплекции не превосходит. Так что опасаться мне нечего. Вот только поезд вряд ли опоздает, в отличие от меня.

– Жалко, времени нет, а то б научил “слобОду” любить, – огрызаюсь традиционной фразой слободских ребят.

– Струсил! – ехидно усмехается низовский, – Не хочешь по-людски, отметелю, как грушу!

Похоже, драки не избежать. Впрочем, и честные поединки нередко заканчиваются банальными драками, в которых достается не только побежденным, но и победителям. Год назад и сам угодил в такую же историю, причем на этом же, будто “замороженном” краю села.

Тогда мы с братом Сашкой и нашим другом Колькой Сухиной помогали трактористу дяде Васе поливать колхозные огороды, а тот в ответ учил нас управляться с его допотопным трактором “Фордзон”. Нам, пацанам, это очень нравилось. Целых две недели мы ходили на низ села в огородную бригаду, но не напрямую, а в обход – полевой дорогой. Как оказалось, то была не лишняя предосторожность.

Лишь однажды мы попали на любимое озеро дяди Васи. Обычно он ходил сюда один, пока мы следили за работающим трактором и навесным оборудованием. Нас вполне устраивала небольшая колдыбаня, откуда “качали воду” для полива, и где периодически “прохлаждалась от жары” вся наша огородная бригада. Но в этот раз дядя Вася заглушил двигатель и пригласил нас искупаться “на дорожку” вместе с ним, поскольку его трактор срочно “перебрасывают” в полевую бригаду, где до ближайшей воды не меньше десятка километров.

Озеро понравилось множеством водорослей, зеленоватой теплой водичкой и чистым песчаным пляжем. Но едва дядя Вася ушел к трактору, к нам тут же подрулила шумная ватага агрессивно настроенных “малолеток”.

Сообразив, что с местными, даже малолетками, лучше не связываться, решили окунуться напоследок и прямо от озера отправиться домой. А на берегу нас ждала разбросанная одежда с туго завязанными “сухарями”. Но едва мы справились с узлами и оделись, подошли двое ребят постарше.

– Стукнемся? – тут же предложил коренастый паренек моего возраста.

– Дай ему в ухо, Кабан! Шоб дорогу забыл на наше озеро! – подстрекала его дюжина окруживших нас малолетних негодяев.

Ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия на поединок.

Право первого удара, конечно же, “присудили” моему противнику. И вот он передо мной с наглой улыбкой от ощущения своего очевидного превосходства. Что ж, постараюсь не ударить в грязь лицом. До сих пор получалось. Но это со своими слободскими. Сейчас же соперник незнакомый, да и физически явно сильнее.

А перед мысленным взором “поплыло” спальное помещение лагеря военнопленных немцев, где я родился в самом конце войны и прожил шесть послевоенных лет. И вдруг, как наяву, послышался уверенный “металлический” голос моего друга и наставника – переводчика гера Бехтлова: “Ахтунг!.. Айн... Цвай... Драй...”, – монотонно отсчитывает он секунды учебного рукопашного боя...

“Ахтунг”, – застыл в ожидании поединка, – “Айн”, – заметив кулак противника, вылетевший из-за его спины, мысленно начинаю отсчет, – “Цвай”, – привычно блокирую удар, направленный в левое ухо, – “Драй”, – встречным “городским” ударом неожиданно для “болельщиков” сокрушаю противника. Тот отлетает на несколько шагов, едва удержавшись на ногах, и остается среди рассыпавшихся болельщиков, – “Аллес. Капут”, – расслабленно опускаю руки. Дуэль закончена досрочно.

Но, что это?! От сильного удара в правое ухо едва не слетает голова. Звон в ушах и частичная потеря координации. “Цай [двое]”, – догадываюсь я, – “Фир”, – с трудом подхватив непослушные руки, ухожу в глухую защиту, – “Фюнф”, – “ватными руками” вслепую блокирую повторный удар в голову. В челюсти что-то предательски хрустнуло, а во рту появляется привкус крови. Кажется, молочный зуб, – “Зэкс”, – резко крутнувшись вправо, чудом ухожу от третьего удара все еще “невидимого” противника. Промажнувшись, тот по инерции валится на меня, – “Нэмм эс [получи]”, – почти рефлекторно, коленом левой ноги бью негодяя то ли в живот, то ли в пах, – “Зибэн”, – сгибается тот пополам и буквально “на карачках” отлетает куда-то в сторону, – “Аллес. Капут”, – внезапно разбегаются окружавшие нас болельщики.

Мы с Сашкой и Колькой остаемся на месте, а к нам от озера бегут двое взрослых.

– Что, парень, зуб вышибли? – сочувственно смотрит на мой окровавленный рот один из них, – Надо же! Толпой на одного! – искренне возмущается он.

– Молочный. Уже шатался, – вытащив выбитый зуб, успокаиваю его, – Не толпой, но поподлому. Вон они отползают, – показываю на медленно удаляющуюся парочку “позорников”.

– Ну, ты молодец! – бросаются ко мне Сашка с Колькой.

– Вы-то как?

– Нормально. Толкались, но “наподдать” не успели. Быстро ты этих уделал!

– Ты, парень, походи умойся и тикайте отсюда, хлопцы, прямо на станцию. Там скоро рабочий будет. Со своими дойдете. Одни не ходите. – предупреждает наш спаситель.

И вот мы на тропинке, ведущей к станции. Едва прошли метров триста, оглянувшись, увидели, что нас нагоняют все те же. А до станции еще с полкилометра.

– Бегом в пЕски! – крикнул своим и свернул в дюны.

– Там колючки! – остановились, было, ребята.

– Они тоже босиком! По колючкам не побегут! – резонно предполагаю я.

Так и оказалось. Даже не заметив, что мы свернули, наши обидчики, скорее всего, промчались мимо нас на станцию. Мы же, проковыляв еще метров сто по зловредным колючкам, вышли к лесу, а еще метров через триста – к главной дороге, ведущей от станции к центру села.

Но это случилось год назад, а сейчас я один-на-один с остановившим меня низовским парнем:

– Слушай, будь человеком, к рабочему опаздываю. Давай, завтра отметелишь, в это же время. Идет? – предлагаю ему.

– Нашел дурака! А если не придешь? Где тебя искать?

– Не бойся, приду. Да и у клуба всегда найдешь. Прятаться не стану.

– Ладно, лети, слобода, пока я добрый, – соглашается низовский, и я тут же срываюсь к станции, потеряв не так уж много времени.

К путям выскакиваю, когда прибывающий поезд уже тормозит. Вот только, куда бежать? Меня обгоняют одинаковые вагоны, мелькают проводницы-близнецы в форменной одежде с распущенными желтыми флажками, и как тут догадаться, где остановится вагон с бабушкой.

Но вот в серую шеренгу хозяек вагонов вклинивается какая-то девчушка, вся в белом, и радостно улыбаясь, энергично машет обеими руками.

– Толик! – сквозь лязг вагонных сцепок и истошный визг тормозов слышу ее звонкий голосок.

Кроме меня, встречающих Толиков нет, и я несусь во весь опор за тем вагоном. Подбегаю, когда поезд уже встал.

– Держи! – деловито подает бабушкин мешок опознавшая меня симпатичная девчонка. А позади нее улыбается бабушка. Теперь понятно, кто опознал, – Держи еще! – чуть не на голову сталкивает девочка не менее тяжелый чемоданчик и принимается “сгружать” бабушку.

А поезд дает гудок и трогается. Приняв бабушку на “твердь земную”, успеваю “поймать” и девочку, лихо соскочившую со ступеньки движущегося вагона. Та взвизгивает, невольно угодив прямо в мои объятия, но тут же приветливо улыбается:

– Ты Толик! – констатирует она, даже не пытаясь вырваться, и мы так и застываем, с интересом разглядывая друг друга, – А бабушка сказала, ты отличник. Я тебя так и видела – в очках и с толстой книжкой в руке. А ты ничего.

– Ты тоже, – улыбаюсь в ответ, представив сказочную картину: юную принцессу в объятиях сельского пастушка. Не хватает только дудочки и кувшинчика. А так все на месте: копна нестриженных, выжженных до белизны волос, серая в крупную клетку ковбойка, закатанные до колен невнятного фасона и цвета брюки, толстая веревка вместо пояса, загорелые босые

ноги. Зато принцесса! Аккуратная прическа без всяких там бантиков и косичек, беленькая блузка, оттеняющая нежный загар, светленькая юбочка до колен, очерчивающая привлекательную девичью фигурку, легкие сандалии с белыми носочками на стройных загорелых ножках. И, наконец, самое яркое украшение ансамбля – симпатичная мордашка, которая не может не понравиться с первого взгляда.

– “Ничего” – это пустое место. Так что нас с тобой здесь нет.

– Смешной ты, Толик, – улыбается принцесса, все еще оставаясь в моих объятиях.

– Ну, вот еще! Жених и невеста! – расколдовывает нас бабушка, возвращая из сказки.

“Жених и невеста”, – мысленно соглашаюсь с бабушкой, – “Какая красивая невеста! Совсем как Людочка. Кто же это? Не иначе, бабушкин сюрприз. Хорошо бы на все лето”, – размышляю, оглядывая меж тем нелегкий груз.

Придется тащить всё. Ни девочке, ни бабушке такое не под силу. Хорошо, догадался захватить налыгач – двухметровую прочную веревку для скота. Как чуял, без подарков из гостей не придет.

– Ты что, все это потащишь? Пупок не надорвешь? – удивляется бабушка, догадавшись о моих планах.

– Не надорву, – успокаиваю ее, – Вы что ли потащите? Самим бы дойти по такой жаре.

Боковым зрением тут же ловлю восторженный взгляд троюродной сестрички, или кем она там мне доводится.

Связав поклажу, водружаю ее через плечо – чемодан на грудь, мешок на спину – и делаю несколько шагов по твердому пристанционному грунту. Тяжеловато. А по рыхлому песку? Ничего, осилю. Ведь рядом такой стимул!

– Вы идите вперед, но не быстро, а я чуть отстану, – предупреждает бабушка.

– Что с ней? – спрашиваю девочку. Та смущенно хихикает:

– Надо ей. Понимаешь?

– Ага, – догадываюсь я, – А тебе не надо? А то давай, посторожу.

– Тоже мне сторож нашелся! – смеется сестричка, – От тебя спрячемся. Больше здесь не от кого.

– Я пошутил. Кстати, бабушка так и не сказала, как тебя зовут.

– А ты отгадай, – заигрывая, улыбается красавица.

– Авдотья? Агрипшина? Акулина? Аэлита?.. – перечисляю с десятков книжных имен, что приходят в голову, рассмешив девочку до колик.

– Ну, ты смешной, Толик! Не на “А”, – отсмеявшись, подсказывает она.

– Бронислава? Белла? Беатриче? Бабетта?.. – вываливаю ей очередную порцию экзотических имен из книжек, вызывая новый приступ смеха...

– Еле догнала. Задохнулась. А они вон куда упылили. Еще смеются, скааженные, – сердито прерывает мои гадания бабушка. Жаль, не дошел до буквы “В”. Может и угадал бы.

При бабушке разговор не клеится: я несу какую-то чушь, а девочка непрерывно смеется, почему-то раздражая бабушку. Но вскоре становится не до смеха. “Ничего, успеем наговориться”, – подумал, тяжело дыша сухим перегретым воздухом. Да и обе мои попутчицы быстро устают на трудной дороге. Поддерживаемая девочкой бабушка еле передвигает ноги, увязающие в сыпучих песках. Хорошо, выбравшись из леса, идем утоптанной грунтовкой через низы села и вскоре оказываемся на улице, где меня перехватил низовский паренек.

– Вот я и дома, – останавливается девочка, – Давай чемодан, – просит она.

– А как ты его дотащишь? – разочарованно спрашиваю, сообразив, что никакая она не родственница, а всего лишь бабушкина попутчица.

– Здесь оставлю. Сбегаю за мамкой. Спасибо тебе, Толик, – благодарит меня чудесная незнакомка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.